
ЕВГ. ЗАМЯТИН
О ТОМ КАК ИСЦЕЛЕН БЫЛ ОТРОК ЕРАЗМ
РИСОВАЛ Б. КУСТОДИЕВ
ИЗД. «ПЕТРОПОЛИС»
П. Б. 1922

Настоящее изданіе отпечатано въ количествѣ одной тысячи нумерованныхъ экземпляровъ. Изъ нихъ сто римской нумераціи въ продажу не поступаютъ.

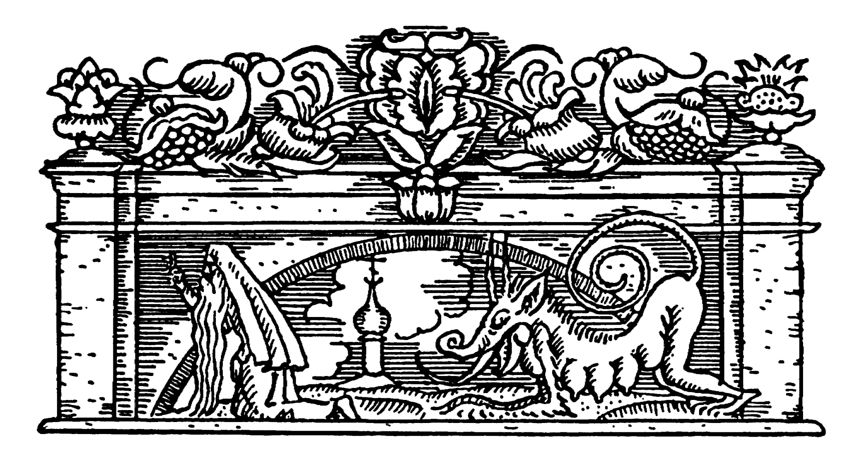
ЭКЗЕМПЛЯРЪ № [redacted]

О ТОМЪ
КАКЪ ИСЦѢЛЕНЪ БЫЛЪ
ИНОКЪ ЕРАЗМЪ

ПЕТРОПОЛИС

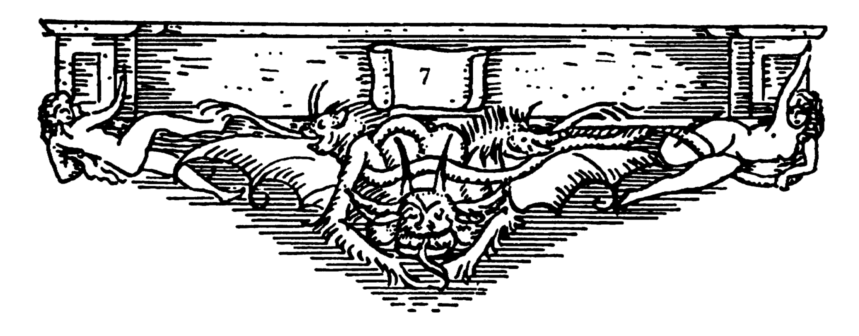
О блаженном старце Памве Нересте, о зарочитой премудрости его, о многих происшедших чудесных знамениях и о том, как был исцелен инок Еразм.

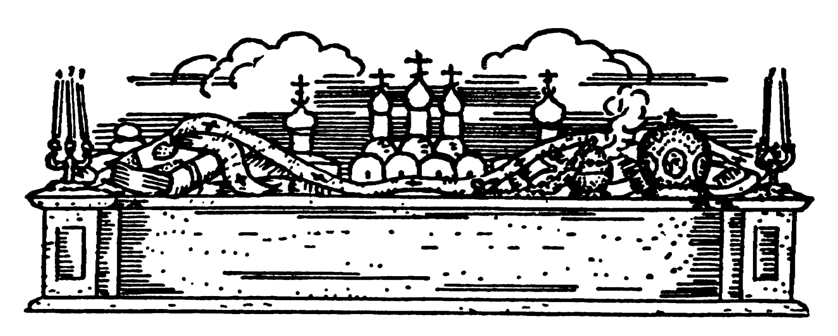
Евг. Замятин

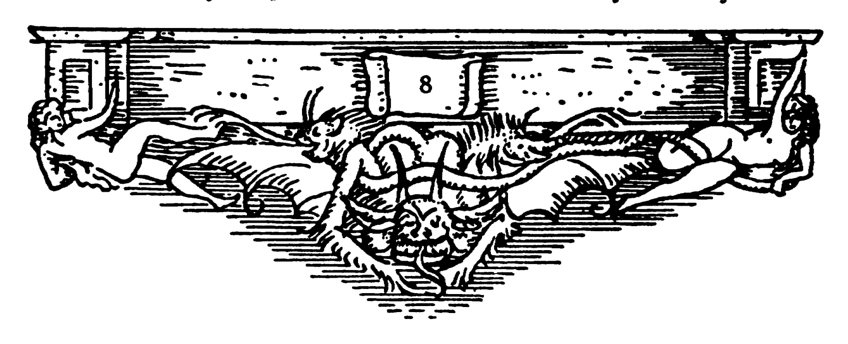
казанный инокъ Еразмъ еще во чревѣ матери посвященъ былъ Богу. Родители его долгіе годы ревностно, но тщетно любили другъ друга и, наконецъ, истощивъ всѣ суетныя средства, пришли въ обитель къ блаженному Памвѣ. Вступивъ въ келью старца, жена преклонила предъ нимъ колѣни, но стыдъ женскій запечаталъ ей уста, и такъ молча предстояла старцу. Блаженному же Памвѣ и не надо было

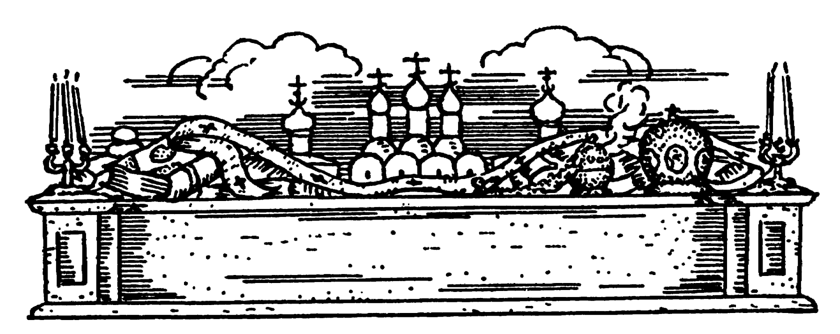

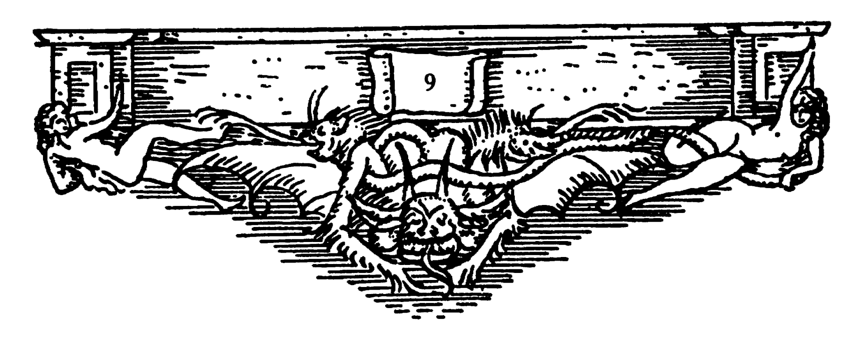
словъ: отъ юности — тлѣнныя женскія одежды были ему какъ бы стеклянныя, и сквозь нихъ тотчасъ увидѣлъ онъ горькія безплодіемъ ложесна женщины. — Оставь скорбь, женщина, — сказалъ ей старецъ. — Сядь здѣсь и раздѣли со мной трапезу. Такъ сказавъ, взялъ печеную рыбу, вынулъ молоки и благословивъ подалъ ихъ женщинѣ. Та со слезами и вѣрой причастилась благословенной пищи и внезапно ощутила въ себѣ трепетаніе, какъ если бы приняла мужа въ лоно свое. Когда увидѣлъ старецъ Памва, что уже вновь раскрылись завѣженныя очи ея и пурпуръ вновь окрасилъ поблѣднѣвшія на малое мгновеніе ланиты, онъ улыбнулся ей, сказавъ: — Отнынѣ мужъ твой уже не

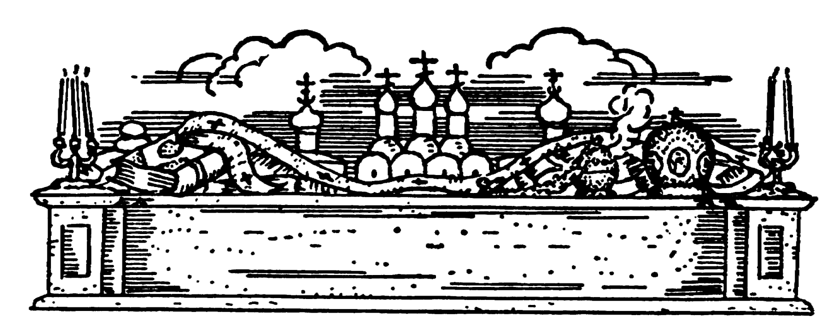

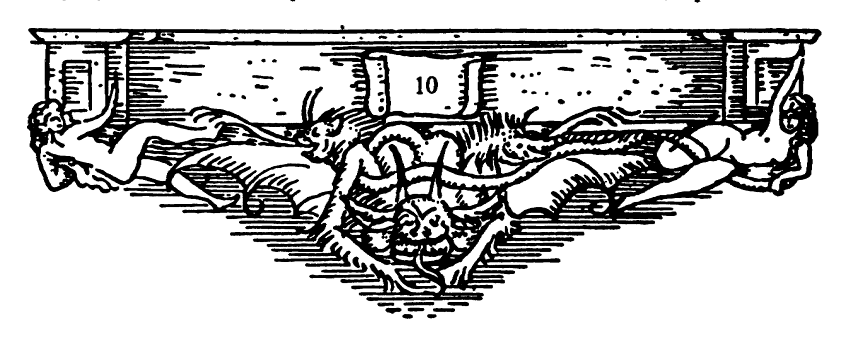
будетъ подобенъ пахарю, воздѣлывающему песокъ, и трудъ его принесетъ плоды. Но первенца твоего, когда онъ научится пѣть хвалу Зародившему его и Зарождающему тьмы, — первенца своего ты приведешь въ обитель и оставишь мнѣ. Послѣ того много разъ солнце вставало надъ обителью и сѣяло золотое сѣмя свое въ синій снѣгъ и въ черныя весеннія нѣдра, вздымалось стебліе травъ и, совершивъ заповѣданное, вновь клонилось долу. И лишь старецъ Памва былъ попрежнему прямъ, какъ крестное дерево кипарисъ, и все такъ же крѣпокъ былъ серебряный вѣнецъ его мудрыхъ сѣдинъ, и многихъ исцѣлялъ убогихъ мужей, и одержимыхъ бѣсами, и неплодныхъ женъ, въ чемъ

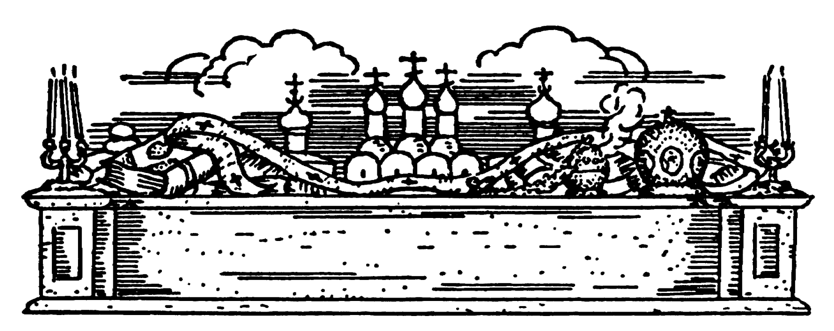

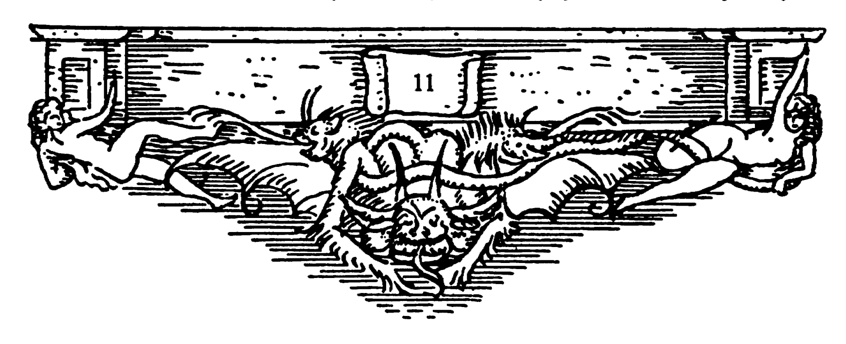
видѣли иные силу вкушаемой старцемъ благословенной пищи. И вотъ въ день Пятидесятницы, совершивъ положенныя службы, вышелъ старецъ Памва изъ храма. Раченіемъ братіи бѣлыя плиты предъ храмомъ были усыпаны весенними благоуханными травами, и вѣнками были увѣнчаны кресты на могилахъ почившихъ и нынѣ сорадовавшихся вмѣстѣ съ живыми, иноковъ. И украшенный вѣнкомъ зеленымъ предсталъ блаженному Памвѣ златоволосый отрокъ, ведомый за руку женщиной. — Въ сей день брачный земли — войди и живи съ нами, отрокъ Еразмъ, — сказалъ старецъ Памва и уже поднялъ руку благословить отрока, но въ тотъ же часъ два бѣса, принявшіе

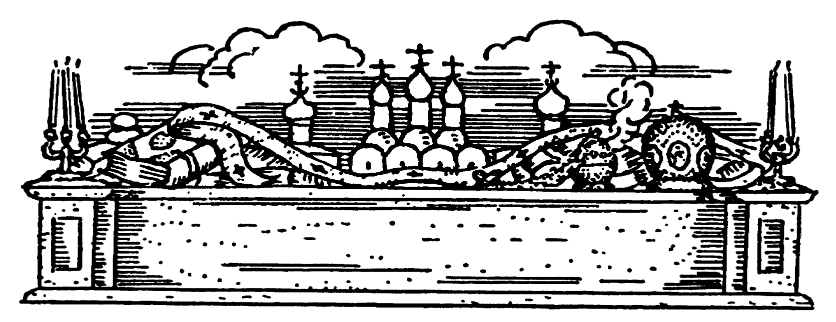

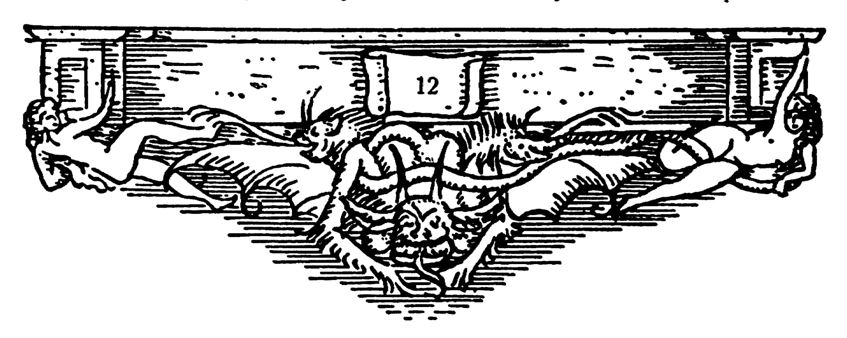
образъ голубиный, сѣвъ на крестѣ могильномъ и уронивъ на землю вѣнокъ, предались плотскому неистовству. — Онъ ее заклюетъ! Освободи ее, добрый старецъ! — вскричалъ отрокъ Еразмъ къ блаженному Памвѣ. Старецъ Памва поднялъ глаза на бѣсовъ — тѣ истаяли дымомъ на виду у всѣхъ, не окончивъ своей непристойной игры. Старецъ же возложилъ на Еразма руки, сказавъ: — Счастливъ удѣлъ твой, братъ Еразмъ, и тяжелъ онъ, ибо уже раскидываютъ надъ тобой бѣсы свою сѣть, но они ищутъ лишь цѣнной добычи. И, чтобы блюсти Еразма отъ козней бѣсовскихъ, блаженный Памва поселилъ его въ своей кельѣ. Юный инокъ Еразмъ служилъ старцу, подавая ему воду

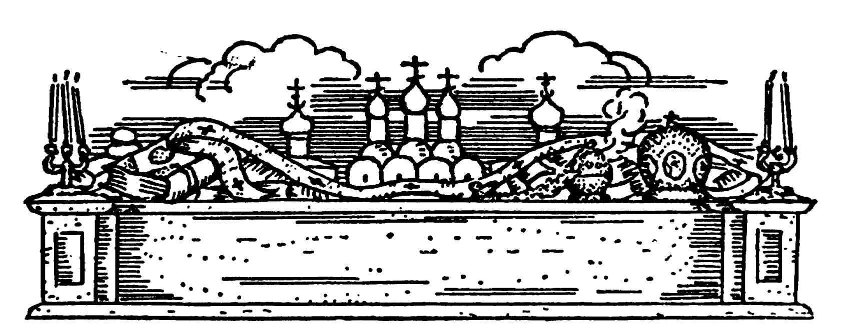

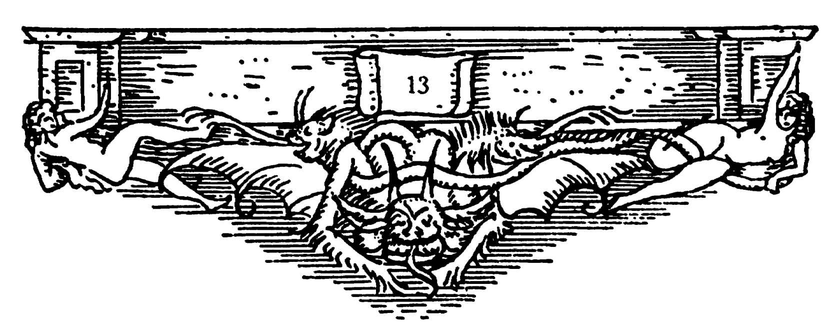
для омовенія, скудную пищу, кадильницы, свѣчи, и неразъ видѣлъ, какъ онъ цѣлилъ больныхъ и прозрѣвалъ души приходившихъ къ нему, какъ если бы одежда и самое тѣло ихъ были изъ стекла. — Какъ смотришь ты, отче, чтобы читать въ душахъ ихъ? — спросилъ старца Еразмъ. — Я смотрю въ глаза, — отвѣчалъ старецъ Памва. — Тѣло человѣка — все обитаетъ въ этомъ мірѣ и только глаза его — суть колодцы, проницающіе съ поверхности этого міра въ тотъ міръ, гдѣ ихъ души. Какъ разноглубоки колодцы въ землѣ, такъ разноглубоки они и въ человѣкѣ. И чѣмъ глубже, тѣмъ ближе къ обителямъ божественнымъ, но и къ вратамъ преисподней. — А у меня? — спросилъ

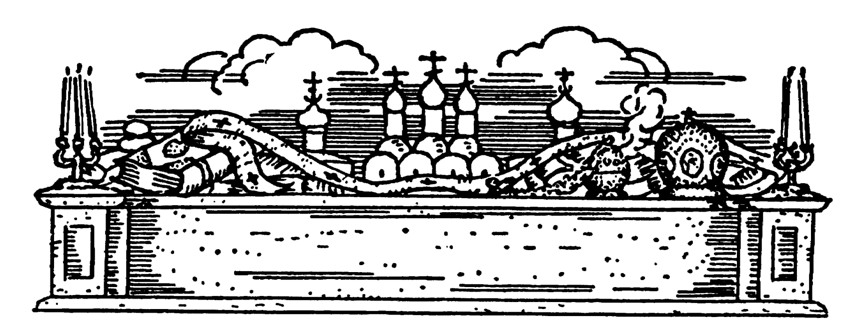

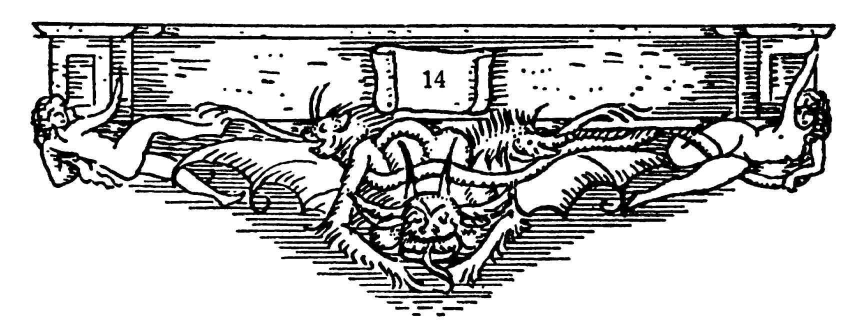
инокъ Еразмъ. Но ничего не отвѣтилъ мудрый старецъ, погрузившись въ молитву. Ибо не видѣлъ дна въ тѣхъ синихъ колодцахъ, прикрытыхъ сверху легкимъ, непрочнымъ намётомъ рѣсницъ. Такъ искушенный путникъ опасно ходитъ по невѣдомымъ дорогамъ, минуя влекущія нѣжной зеленью мѣста, чтобы не погрузиться въ коварную хлябь. Вскорѣ инокъ Еразмъ сталъ весьма искусенъ въ чтеніи и письмѣ. И когда блаженный Памва уставалъ отъ молитвъ, и отъ бесѣдъ съ приходившими искать мудрости его, и отъ бореній съ неустанно, какъ мухи, осаждавшими его бѣсами, — инокъ Еразмъ читалъ ему вслухъ нѣчто отъ Библіи, или отъ Житія святыхъ нашихъ отецъ, или отъ

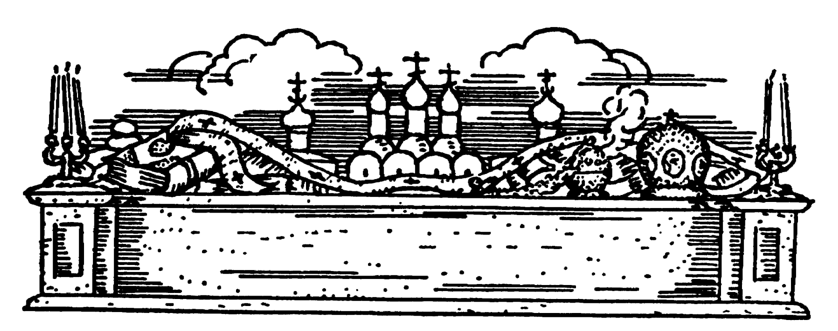

Цвѣтниковъ и Изборниковъ отеческихъ. — Былъ голосъ у юнаго инока чистоты, подобной звенящему съ высотъ горнему крину, и какъ на пути быстрыхъ водъ горняго крина спаленный солнцемъ холмъ облекается зеленой одеждой, упещренной бѣлыми, и багряными, и синими, какъ твердь, цвѣтами — такъ поливались сладкимъ и буйнымъ сокомъ читаемыя Еразмомъ слова. И слыша ихъ странную и какъ бы уже не божественную прелесть, старецъ Памва прекращалъ чтенiе, говоря: — Я помолюсь, Еразмъ. Выйди и читай одинъ. И уже во внѣ келiи, на бѣлыхъ и горячихъ отъ солнечнаго дыханiя камняхъ, вновь раскрывалъ Еразмъ залитые восковыми слезами листы древней

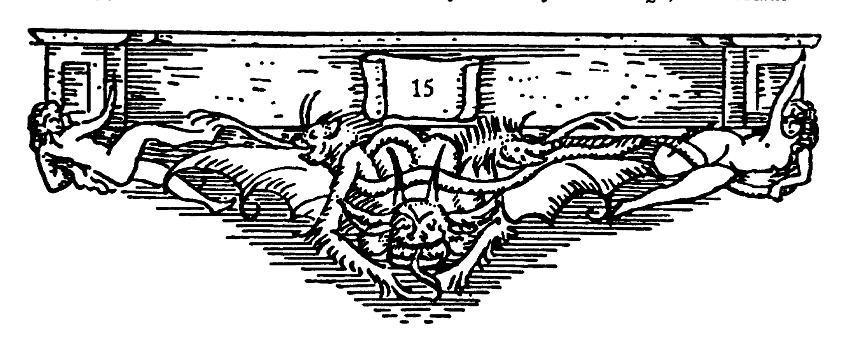

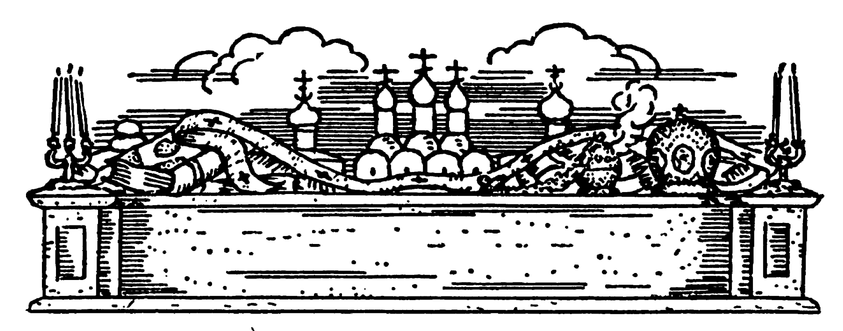

книги и читалъ отъ нея. И упоенный виномъ словеснымъ не слышалъ, что творилось вокругъ, и не видѣлъ, и не вѣдалъ, что есть чтеніе его. Однажды въ такой часъ, истомившись зноемъ, поднялъ блаженный Памва ставень въ кельѣ и изумленно остановился, услышавъ за окнами тяжкіе вздохи и стенанія, какъ бы огромнаго звѣря. Вышедъ, увидѣлъ онъ Еразма на ступеняхъ келіи съ книгой, а

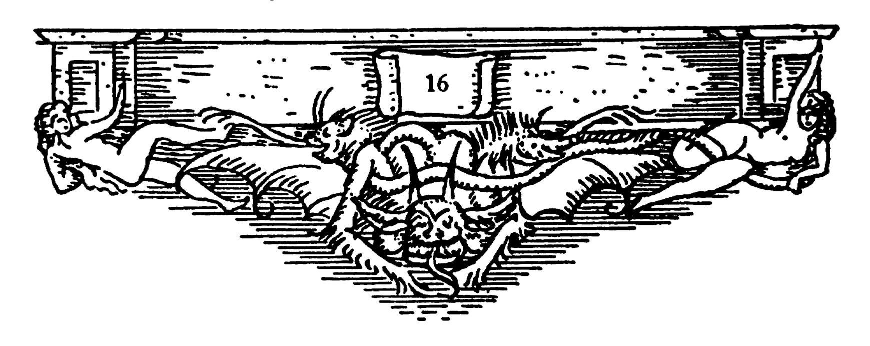
кругомъ — иноковъ, юныхъ и зрѣлыхъ, и старцевъ, и какъ бы отъ чрезмѣрнаго бѣга — лица у всѣхъ красныя, а дыханіе часто, и многіе стенали отъ неистовой нѣкой муки, и яростно, оберучь, охватывали бѣлое тѣло березъ, и упавъ ницъ, лобызали

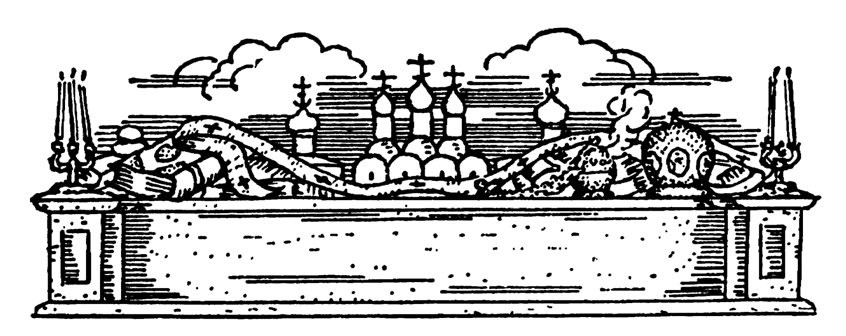

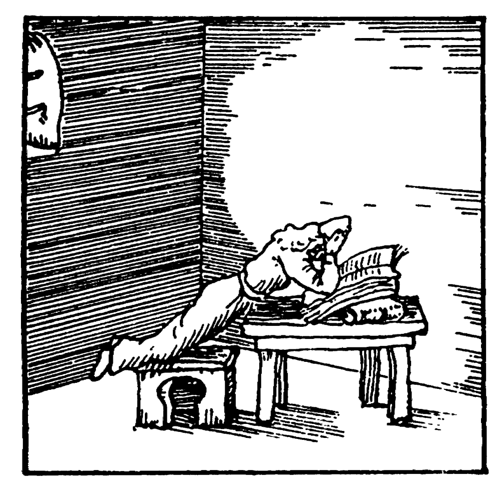

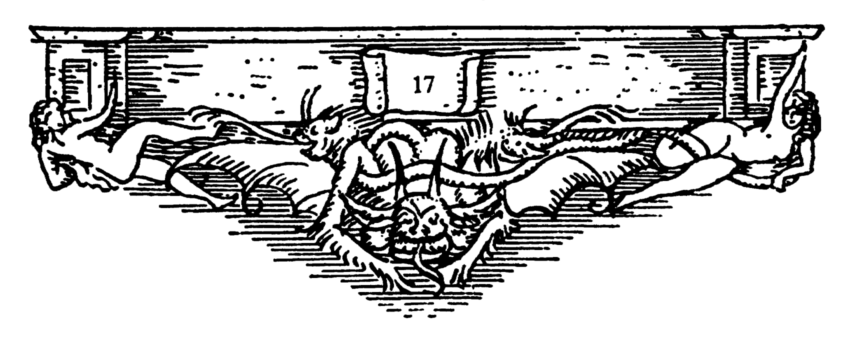
круглые, подобные чреву, камни. — Что, безумный, сдѣлалъ ты съ ними? — спросилъ старецъ въ гнѣвѣ. — Я читаю имъ отъ священныхъ книгъ, — отвѣчалъ простодушно Еразмъ. Полагая, что нашептанный бѣсами, юный инокъ осквернилъ себя ложью, старецъ Памва подступилъ ближе и, опустивъ взоръ свой на листы древней книги, увидѣлъ, что неправо помыслилъ такъ объ Еразмѣ, ибо читалъ онъ Пѣснь Пѣсней мудрѣйшаго среди смертныхъ и пророка предъ Господомъ. Тогда уразумѣлъ блаженный старецъ, что инокъ Еразмъ — невиненъ, но вина братіи. И сказалъ имъ: — Съ какими помыслами вы, нечестивые, слушали слова о божественной любви къ чистѣйшей

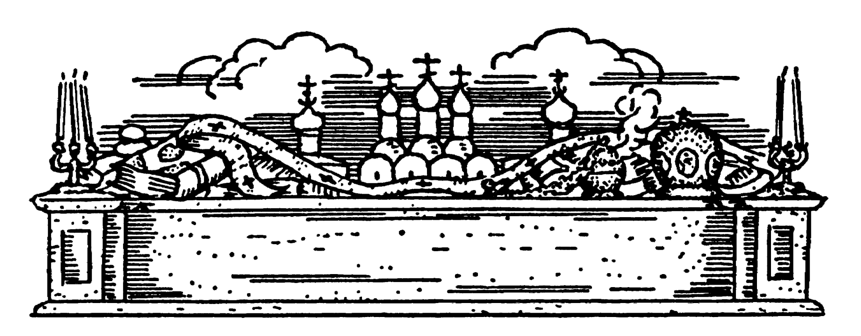

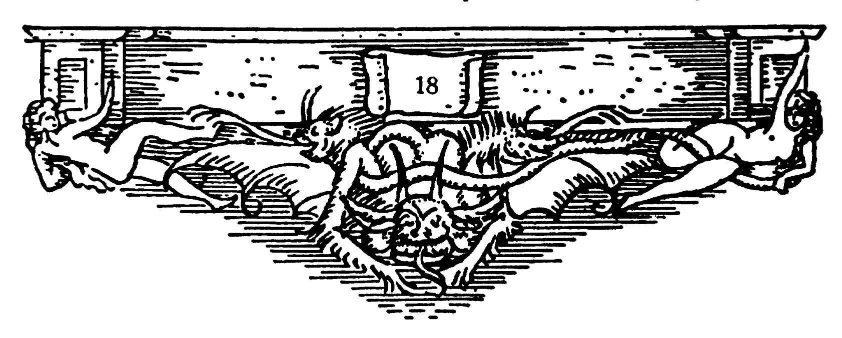
невѣстѣ нашей — церкви? Но братія молчала. — Поднимите, злодушные, ваши очи вверхъ и увидите. На краткое мгновеніе, по молитвѣ блаженнаго Памвы, отверзлись ихъ духовныя очи, и увидѣли всѣ: невысоко, на уровнѣ кровель обительскихъ, клубилась надъ ними тяжкая туча, пронизанная вся краснымъ, какъ кровь. И еще погодя мало, увидѣли, что это не кровь, но клубы тучныя свисали ввидѣ женскихъ персей, съ обращенными внизъ пурпурными остріями сосцовъ, и волновались клубы ввидѣ чашеподобныхъ лонъ и увитыхъ легкой тканью лядвей и чреселъ. Пораженные видѣніемъ, иноки безмолвствовали. А туча бѣсовской прелести, по

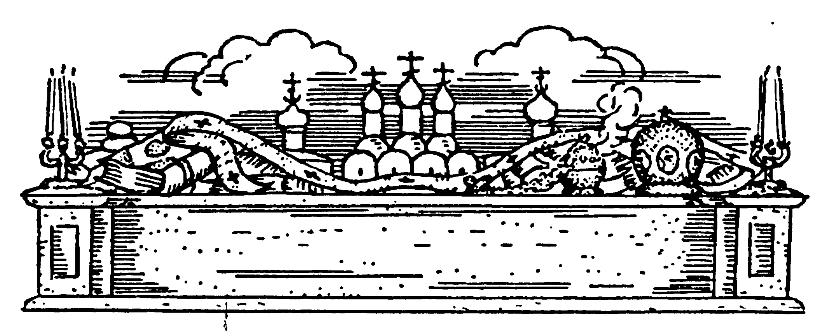

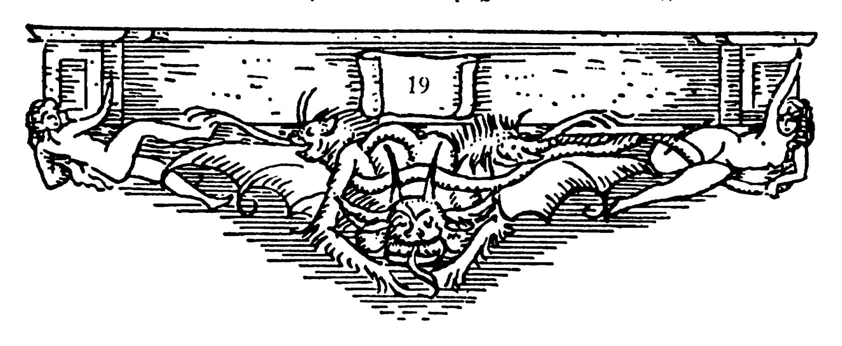
мановенію блаженнаго старца, содрогнулась и пролила густой и бѣлый, какъ молоко, дождь. — Видите ли, что сѣете вы помыслами своими? — спросилъ ихъ блаженный Памва. — Прости, отче, видимъ, — отвѣчали устыженные иноки. И съ того дня юный Еразмъ запрещенъ былъ Памвою въ чтеніи книгъ, но приставленъ къ иному дѣлу, гдѣ бѣсы не могли уже обратить во зло лѣпоту его нѣжнаго голоса: подъ неусыпнымъ надзоромъ старца инокъ Еразмъ сталъ обучаться писанію иконъ. Опасаясь козней бѣсовскихъ, старецъ Памва отъединилъ Еразма отъ прочей братіи, затворивъ его въ малой келіи, и уже никто не видѣлъ и не слышалъ Еразма — только старецъ. И

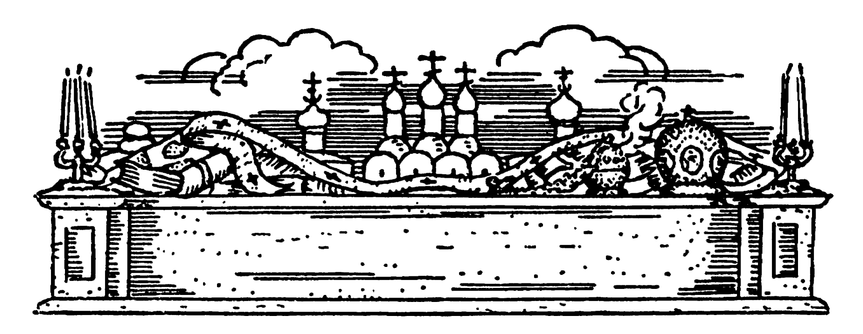

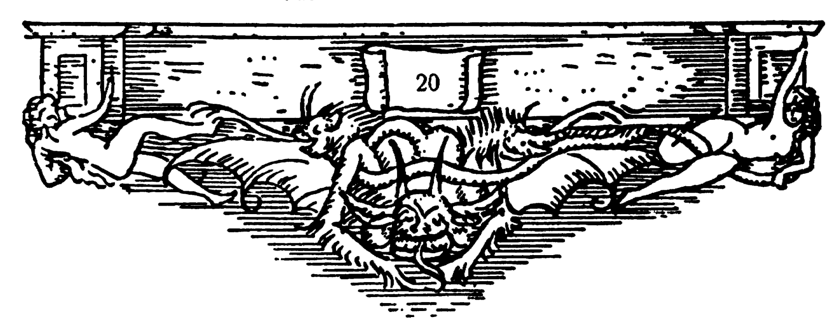
были стѣны въ той келіи бѣлы, какъ одежды браконеискусной дѣвы, и было малое, одѣтое рѣшеткой окно. Послѣ полудня ложилась на стѣнѣ тѣнь отъ рѣшетки и поступью неспѣшной шла все выше, и въ часъ, когда рѣка раскрывала солнцу лоно свое, останавливалась тѣнь на сводахъ и гасла, а внизу, на дѣвственной одеждѣ стѣны, проступало багряное, какъ отъ крови, пятно. И снѣдаемый невѣдомымъ горѣніемъ, приближался инокъ Еразмъ къ стѣнѣ и осязалъ багряное пятно, какъ бы ожидая нѣжной кровью окрасить персты. Но на утро, какъ прежде, сіяла стѣна цвѣтомъ невинности и, входя въ келію, тайно радовался старецъ Памва, что даже самый

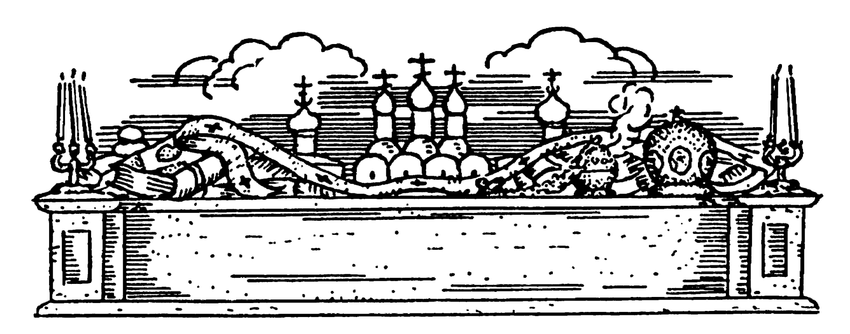

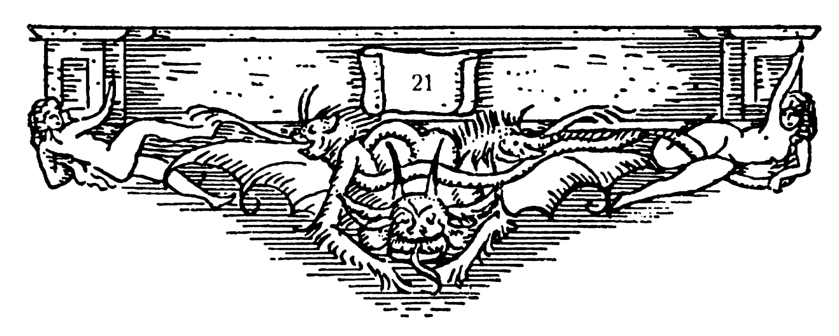
видъ стѣны долженъ убѣлять помыслы юнаго инока, и радовался, видя съ какимъ тщаніемъ и искусствомъ прилежитъ онъ къ великому и божественному дѣлу писанія иконъ. Въ то время случилось блаженному Памвѣ исцѣлить нѣкую знатную жену, именемъ Марія: власть надъ нею имѣлъ бѣсъ, толкавшій ее къ неудержному и несытому любодѣянію. И всего лишь трижды коснувшись перстомъ ея палимаго блуднымъ пламенемъ естества, насытилъ ее покоемъ блаженнымъ старецъ, и освободилъ отъ власти бѣсовской. Было же имя той жены въ честь преподобной Маріи Египетской, и сказала жена, исцѣлѣвъ, старцу: — Молю тебя, отче, если имѣешь кого,

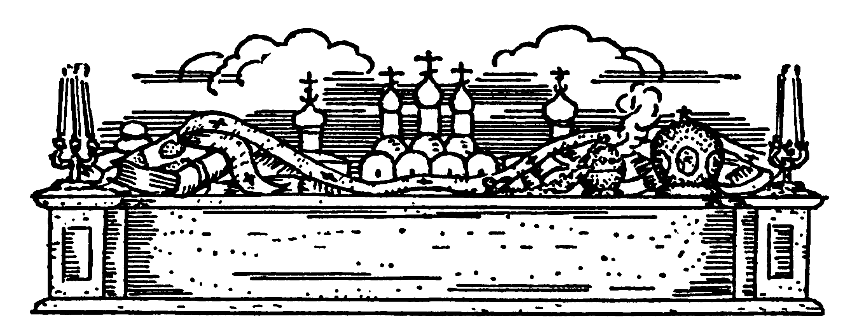

искуснаго въ писанiи иконъ, повели ему написать житiе преподобной Марiи и страстныя муки ея, и изящныя дѣянiя въ пустынѣ Египетской. По написанiи же, я, заключивъ себя въ келiи, со слезами буду взирать на образъ житiя преподобной и потщусь идти по стопамъ ея. Блаженный Памва въ тотъ же день призвалъ Еразма и спросилъ его, сказавъ: — Знаешь ли ты страстное житiе преподобной Марiи Египетской? Еразмъ отвѣчалъ: — Прости, отче, не знаю. И далъ ему старецъ разогнутую книгу Четiй-Миней и указалъ читать житiе преподобной. И читалъ Еразмъ весь день, оставивъ нетронутой пищу. И уже вечеръ, погасла на сводахъ келiи тѣнь отъ

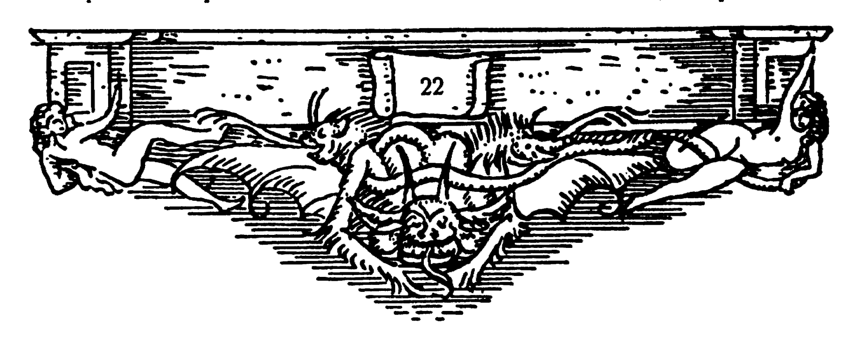

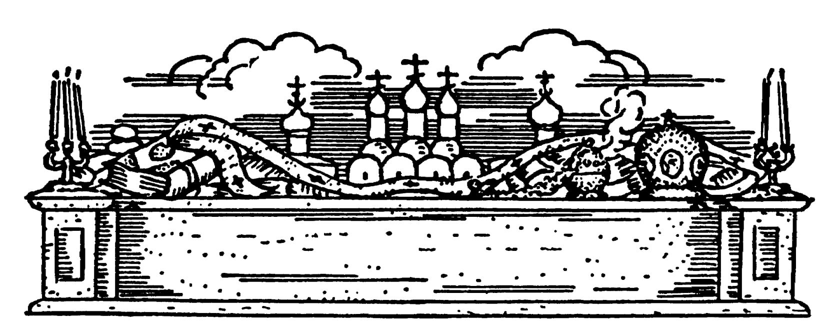

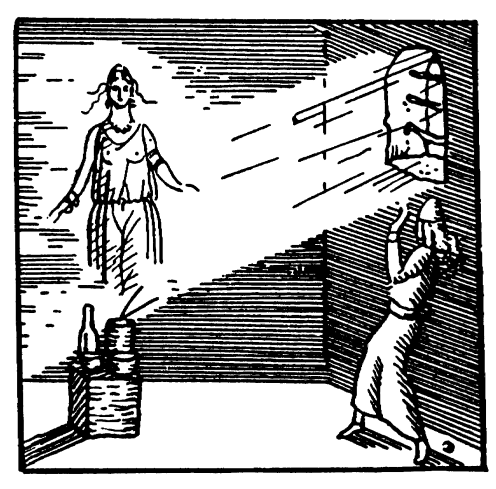

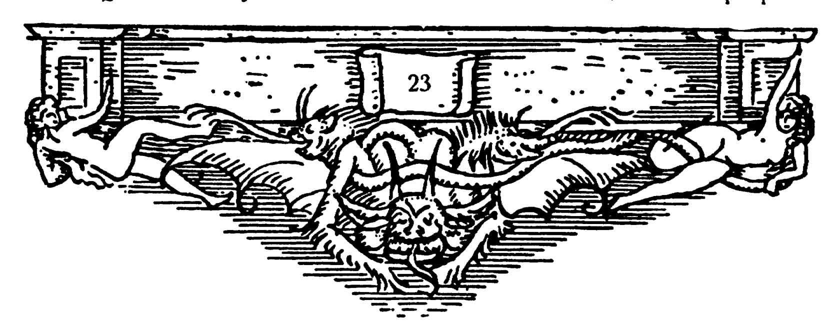
рѣшетки. Зажегъ лампаду Еразмъ, и вновь читалъ, какъ прекрасная тѣломъ дѣва сѣтью красоты влекла юношей и мужей александрійскихъ на ложе свое, и какъ на обуреваемомъ волнами кораблѣ опаляла всѣхъ несытымъ огнемъ страсти своей, и какъ, заточивъ себя въ пустынѣ, снѣдаемая жаждой смѣшенія, взывала о помощи къ Небесному Жениху. И этотъ послѣдній ея ликъ — въ пустынѣ, съ очами, задернутыми легкой мглой, какая повисаетъ надъ палимой неистовымъ зноемъ далью, съ устами, разверзтыми, какъ изсохшая безъ дождей земля, — этотъ ликъ преподобной написалъ Еразмъ въ серединѣ образа. У ногъ же ея — желтый песокъ, и травы, и

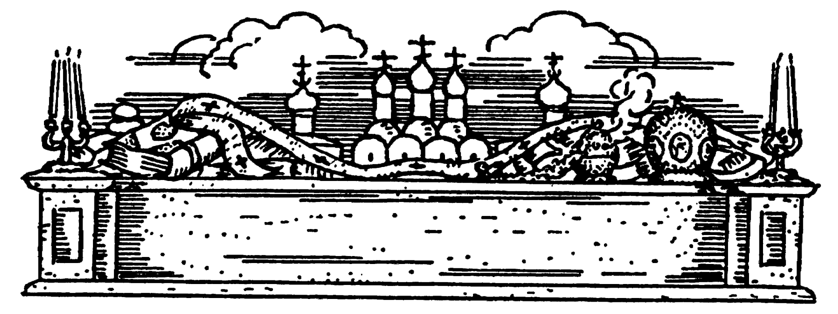

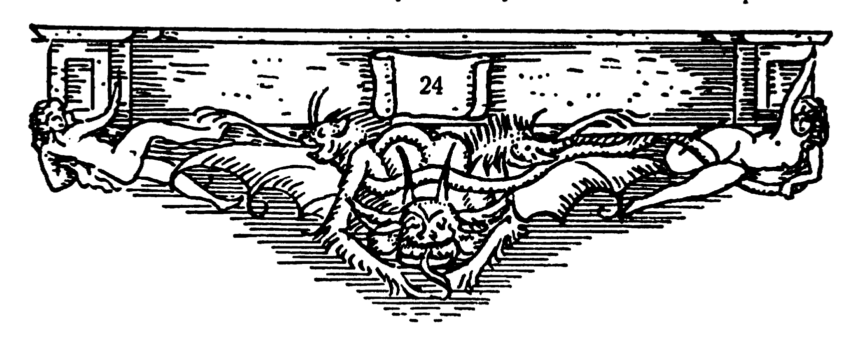
цвѣты сожженные зноемъ, истекающимъ отъ солнца, или отъ тѣла преподобной, скрытаго подъ тонкой бѣлой одеждой. И не слышалъ Еразмъ, какъ въ клѣть къ нему вошелъ старецъ Памва и сталъ за плечами его, какъ бы ангелъ — хранитель. Долго смотрѣлъ блаженный старецъ на образъ преподобной и сказалъ Еразму: — Похвально раченіе твое, и вижу на тебѣ печать дара Божія. „Точно ли Божія?“ — промыслилъ про себя старецъ. Но есть еще несовершенство въ писаніи твоемъ: прекрасенъ ликъ у преподобной жены, но подъ хитономъ ея вижу я тѣло не жены, а мужа. Ибо еще юнъ ты и еще долженъ увѣдать тайны созданной Господомъ изъ ребра

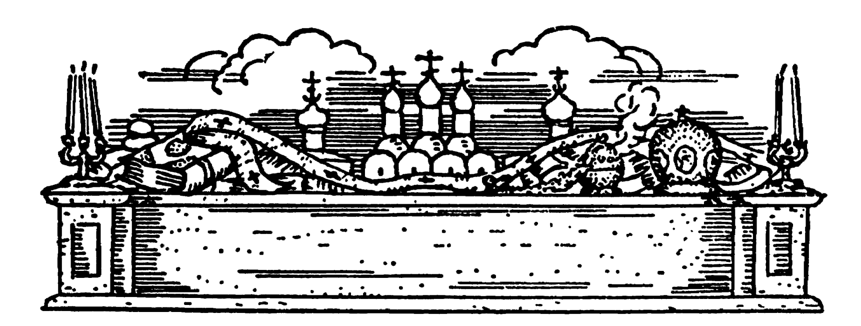

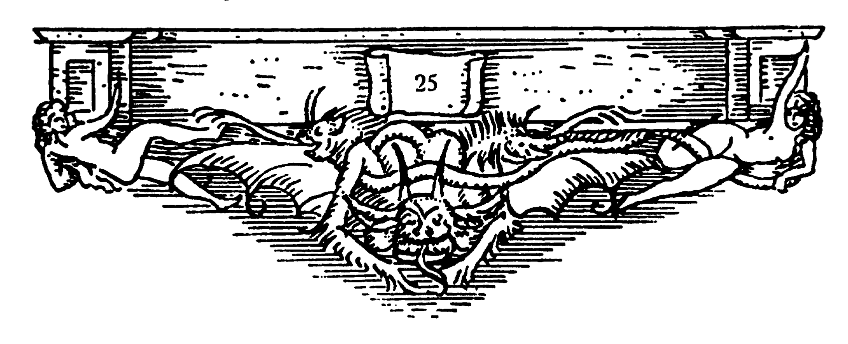
Адамова. Такъ сказавъ, вышелъ старецъ: уже проступала вечерняя кровь на непорочно-бѣлой одеждѣ стѣны, и чугунное било звало братію въ храмъ. Еразмъ же разрѣшенъ былъ старцемъ отъ церковной молитвы и остался въ келіи одинъ. Опечаленный палъ Еразмъ передъ образомъ и жарко молился, вопія: Умилосердись, преподобная, научи меня познать честное тѣло твое, дабы могъ я достойно прославить тебя. Но здѣсь услышалъ онъ сзади тихій, едва слышимый смѣхъ. Обратившись изумленно, искалъ онъ, кто могъ взойти въ келію — и увидѣлъ лишь на рѣшеткѣ окна двухъ играющихъ голубей. Въ тотъ же часъ вспомнилъ Еразмъ голубей на могильномъ крестѣ

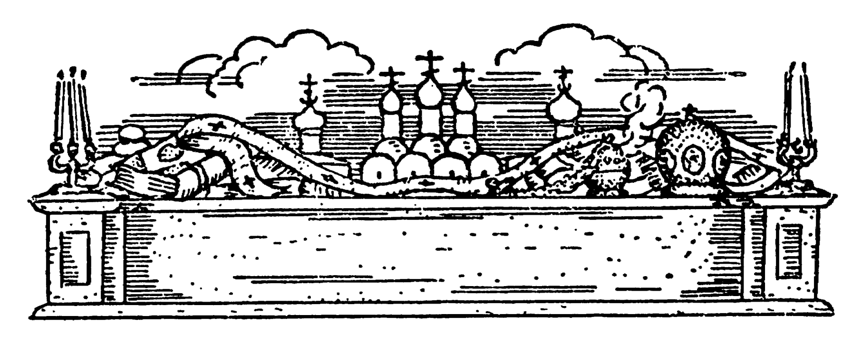

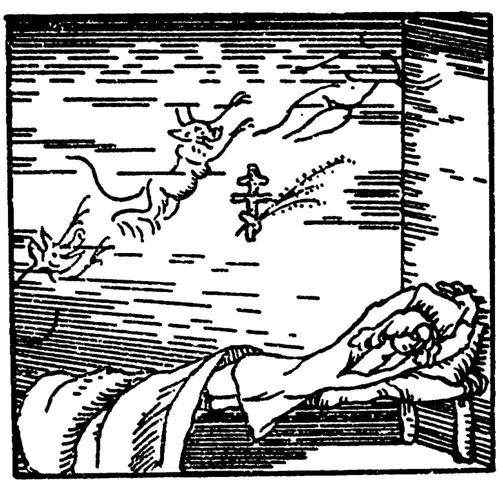

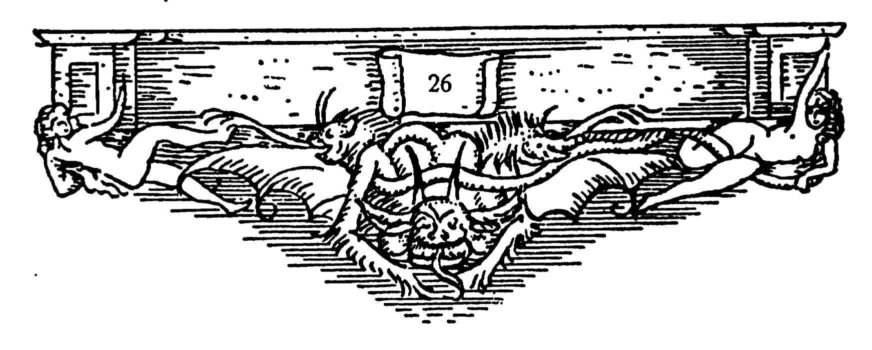
въ день пришествія своего въ обитель, осѣнилъ себя крестомъ — и голуби истаяли въ розовомъ небѣ. Но вновь услышалъ тотъ же смѣхъ, уже болѣе близкій и явственный. И тогда, возлѣ освѣщенной вечернимъ солнцемъ стѣны, какъ бы вышедшую изъ стѣны, узрѣлъ инокъ Еразмъ невѣдомую дѣву. — Кто ты? — спросилъ инокъ Еразмъ, удерживая руками сердце, содрагающееся отъ страха и иного, невѣдомаго трепета. — Имя мнѣ — Марія, — отвѣчала дѣва. — Я жила въ Египтѣ. И вотъ по молитвѣ твоей я послана къ тебѣ. Пораженный чудеснымъ знаменіемъ, Еразмъ упустилъ даже вновь осѣнить себя крестомъ, но тотчасъ, припавъ, сталъ лобызать одежду

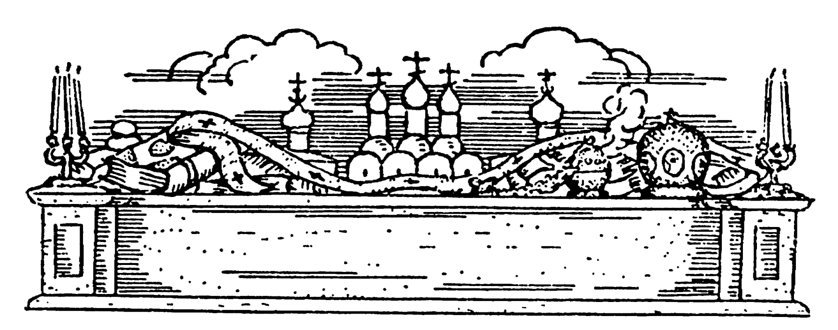

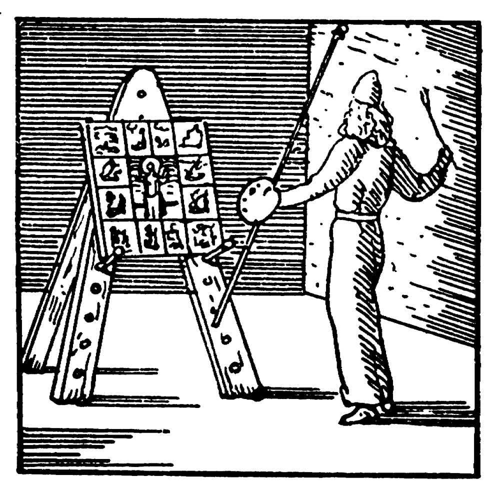

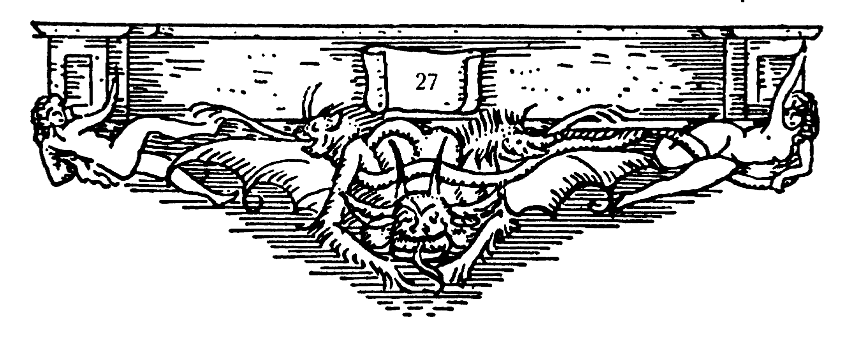
явившейся дѣвы, отъ ногъ ея и выше. И ощутилъ запахъ — невѣдомый, но какъ бы всегда жившій въ его сердцѣ до того часа. И все взыграло въ Еразмѣ и устремилось неудержимо къ преподобной дѣвѣ, какъ неудержимо возстаетъ къ солнцу напряженное весеннимъ сокомъ стебліе травъ. Устыженный отошелъ Еразмъ и, опустивъ глаза, тщился оправить одежду свою такъ, чтобы не узрѣла святая дѣва волненія его. Но дѣва назвала его по имени — голосъ ея пронозилъ сердце Еразма, какъ нѣкій сладостный мечъ — и такъ сказала Еразму: — Почто, неразумный юношъ, смущается сердце твое. Приблизься. Ужели забылъ ты наставленія учителя твоего

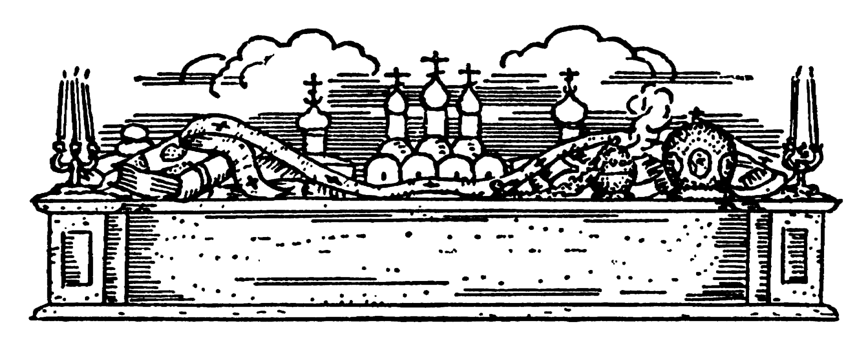

Памвы и забылъ, зачѣмъ я на краткій срокъ послана тебѣ. Тогда Еразмъ, преступивъ смущеніе свое, приблизился къ дѣвѣ, съ трепетомъ развязалъ поясъ ея и отстегнулъ запонъ вверху. До половины спалъ съ нея бѣлый хитонъ, и предстала передъ Еразмомъ невѣдомая ему дотолѣ тайна персей. Были онѣ какъ двѣ волны, чудеснымъ велѣніемъ Божіемъ высоко возставшихъ на спокойномъ морѣ, а осѣдающее за край земной солнце на острыхъ вершинахъ тѣхъ волнъ зажгло алыя пламена. И радуясь увѣданной премудрости Творца, Еразмъ, слѣдуя наставленію старца Памвы, сталъ со тщаніемъ изучать открывшееся. Подобно апостолу невѣрному Ѳомѣ, не вѣрилъ

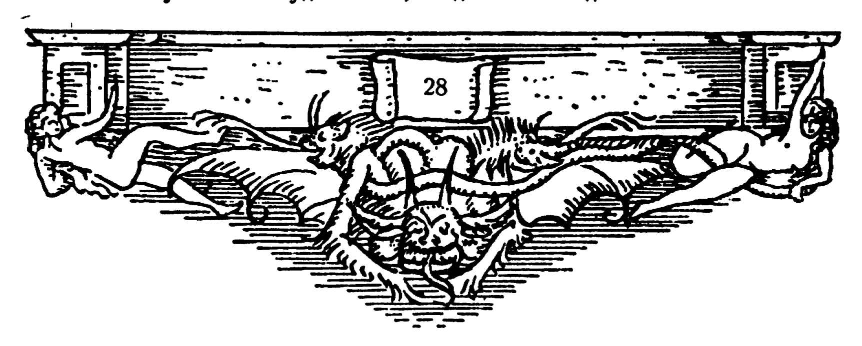

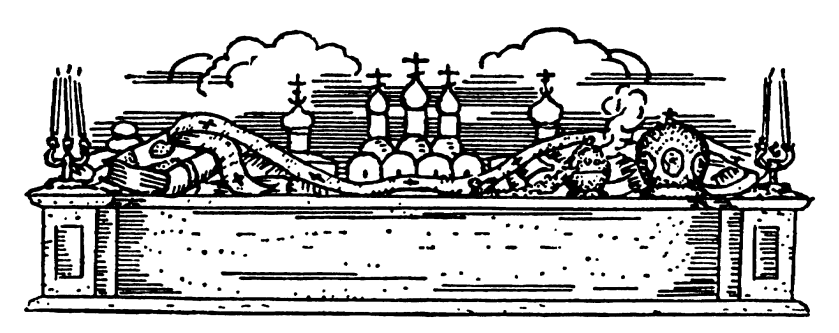

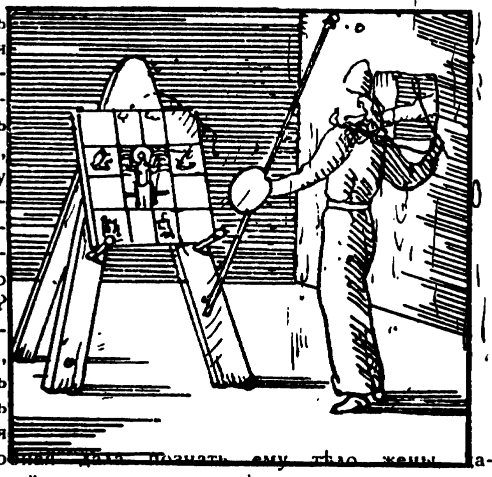

онъ зрѣнію только, но погружалъ свои персты въ нѣжныя и прохладныя волны, и всякій разъ все глубже ощущалъ въ сердцѣ своемъ сладостный мечъ, и какъ бы въ нѣкой блаженной смерти огненными каплями истекаетъ изъ него жизнь. — Но еще не все ты позналъ, — сказала, улыбаясь дѣва. — Спѣши же, ибо лишь на краткій срокъ я послана къ тебѣ. И весь трепеща въ предчувствіи тайны еще прекраснѣйшей и нѣжнѣйшей, юный инокъ отстегнулъ нижній запонъ. Но въ тотъ часъ, когда готова была уже послѣдняя тайна предстать передъ нимъ, услышалъ онъ легкій, какъ бы отъ лопнувшаго сосуда звонъ, и дѣва безслѣдно исчезла. А въ

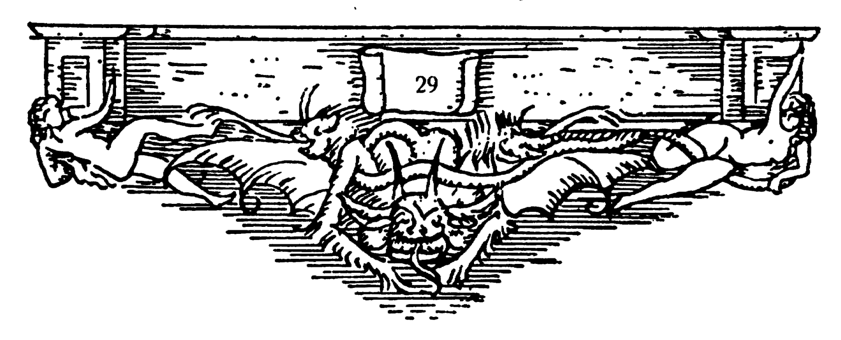

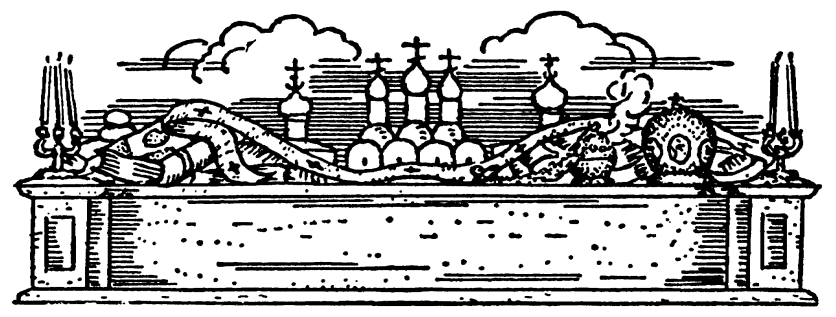

дверяхъ келіи увидѣлъ Еразмъ блаженнаго Памву. Былъ онъ гнѣвенъ, и сѣдыя брови его были распростерты, какъ воскрыліе, и весь онъ былъ, какъ грозная, летящая на защиту птенцовъ своихъ, птица. И громкимъ голосомъ спросилъ Памва, сказавъ: — Что дѣлалъ ты, злоумный? И кто былъ съ тобою? И не таясь, все разсказалъ Еразмъ мудрому старцу: какъ со слезами молился

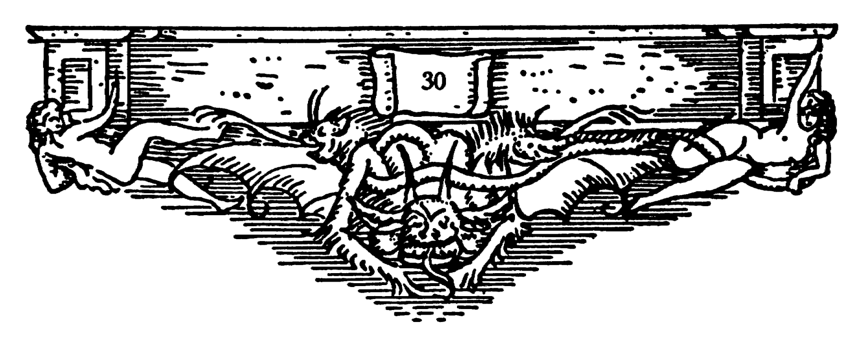
онъ, чтобы преподобная дала познать ему тѣло жены, да прославитъ онъ достойно ея честное тѣло, и какъ по молитвѣ явилась ему она, и какъ узналъ онъ все, кромѣ лишь нѣкой, послѣдней, тайны. Не мало смущенъ былъ блаженный

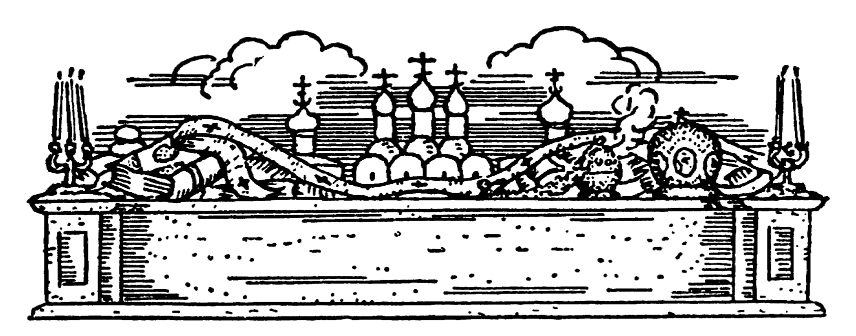

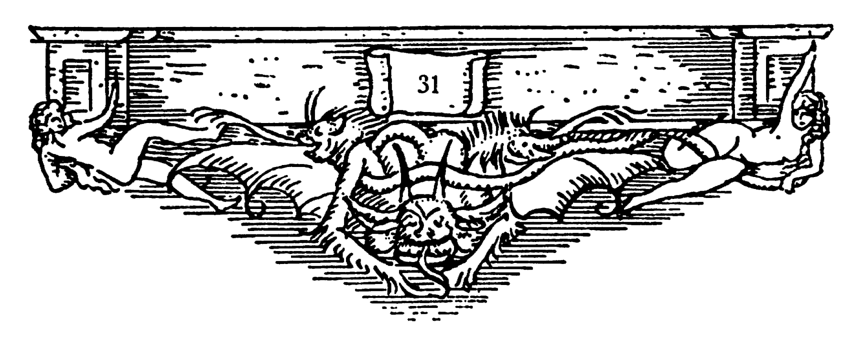
Памва тѣмъ, что повѣдалъ Еразмъ, ибо не имѣлъ старецъ твердой вѣры, что отъ Бога было видѣніе Еразму, а не отъ бѣса. И мудро сказалъ Еразму: — Возблагодари пославшаго тебѣ помощь въ трудѣ твоемъ для прославленія преподобной. Но помни: ту, послѣднюю, тайну — нелѣть иноку знать, и тебѣ, въ художествѣ твоемъ, тайна та не нужна. Иди же и спи съ миромъ. Но не миренъ былъ сонъ Еразма: было его ложе изъ углей, и до утра ощущалъ онъ неумиримое, непреклонное устремленіе къ той, послѣдней, тайнѣ, и до утра погружалъ онъ персты въ жемчужныя, чудомъ возставшія на спокойномъ морѣ, волны. А на утро, сотворивъ обычное иноческое метаніе

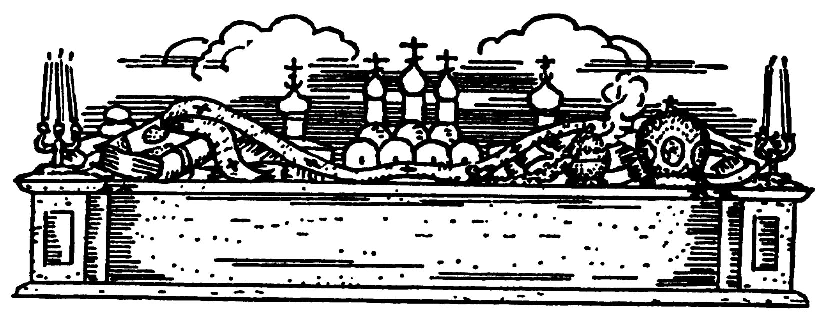

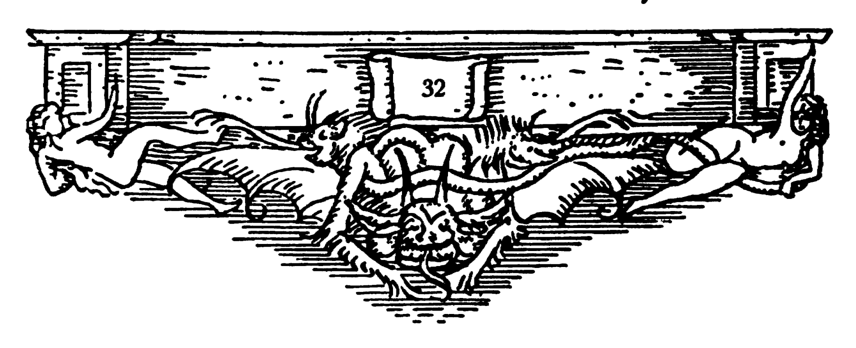
передъ старцемъ, омылъ онъ кисти, и трепетно вспоминая открывшееся вчера, приступилъ къ исправленію того, что было указано наставникомъ его въ художествѣ — блаженнымъ Памвой. Вскорѣ оконченъ былъ образъ. Со вниманіемъ осмотрѣлъ его блаженный Памва и увидѣлъ, что теперь преподобная не только ликомъ, но и тѣломъ была женою изъ женъ, и даже помни́лось старцу, что сквозь облачно-бѣлыя ея одежды тлѣютъ остріями легчайшаго пламени перси. Но о томъ не сказалъ Еразму, помысливъ про себя, что лишь видитъ онъ, какъ обычно, сквозь одежды женскія, какъ если бы были онѣ изъ стекла. И взмахнувъ воскрыліемъ бровей, благословилъ Еразма,

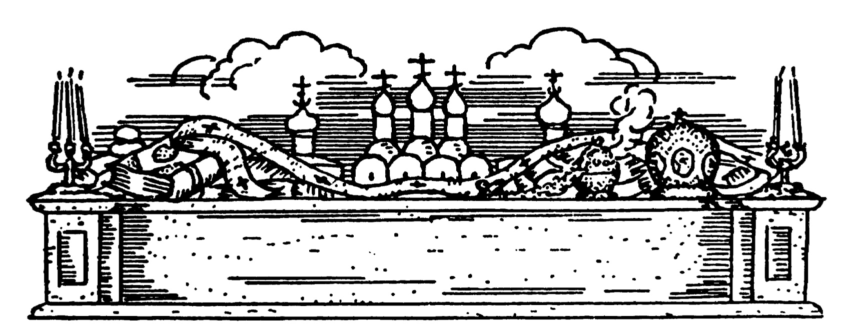

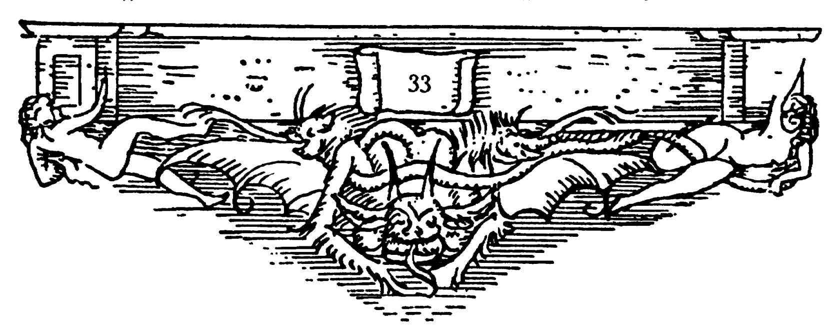
сказавъ: — Вижу, горѣніемъ къ преподобной полонъ духъ твой. Не гаси же горѣнія того, пока не кончишь писанія образа. Но если бы даже и хотѣлъ, уже не могъ Еразмъ погасить въ себѣ горѣнія того. Старецъ же Памва, по сихъ словахъ, оставилъ обитель, призванный къ одру недугующаго князя страны той. Выходя изъ вратъ, еще разъ оглянулся блаженный старецъ на золотыя, среди зелени, главы храма — и увидѣлъ: повисши на вѣтвяхъ древнихъ схимницъ-липъ гроздьями качаются бѣсы, какъ отроившіяся пчелы. И содрогнулся старецъ отъ темныхъ предчувствій новыхъ и небывалыхъ бѣсовскихъ козней, но выйти изъ воли князя не могъ. Въ отсутствіи Памвы

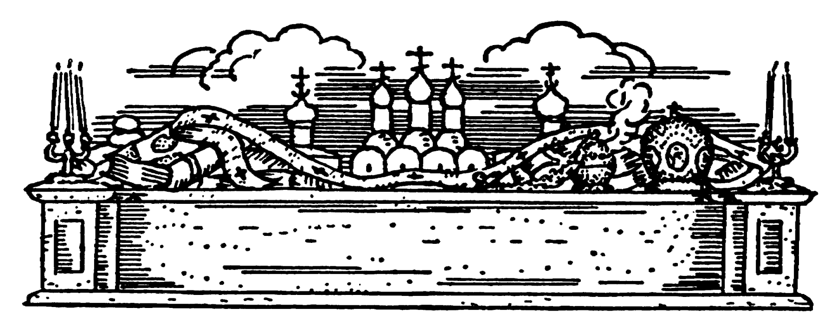

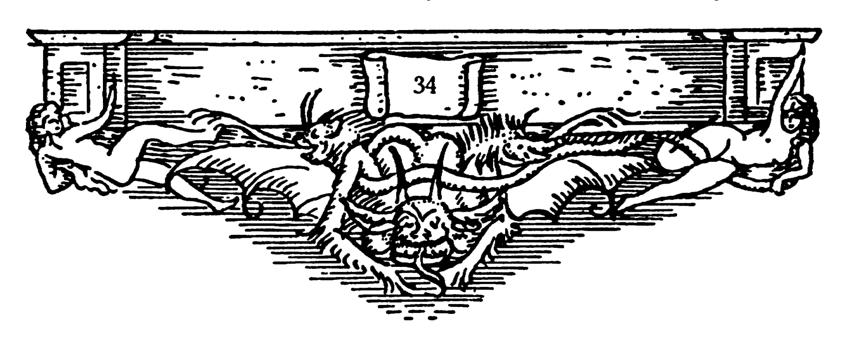
пищу Еразму приносилъ большой хлѣбенный старецъ именемъ Сампсонъ. Былъ онъ, какъ древній Сампсонъ, великъ и мощенъ тѣломъ во всемъ до послѣдняго, и не было у него растенія волосъ ни на головѣ, ни на лицѣ, и нигдѣ на тѣлѣ, отчего былъ онъ какъ бы дважды нагъ, и по велѣнію Памвы даже въ лѣтнюю пору носилъ онъ на себѣ не менѣе трехъ одеждъ. А отъ вида женскаго, хотя бы и не въ естествѣ, но лишь въ изображеніи, бывалъ онъ буенъ безъ мѣры. И опасаясь того безмѣрнаго буйства, Еразмъ принималъ отъ хлѣбеннаго старца пищу сквозь дверное отверстіе. Съ утра весь день пламень источался отъ солнца; отъ суши великой

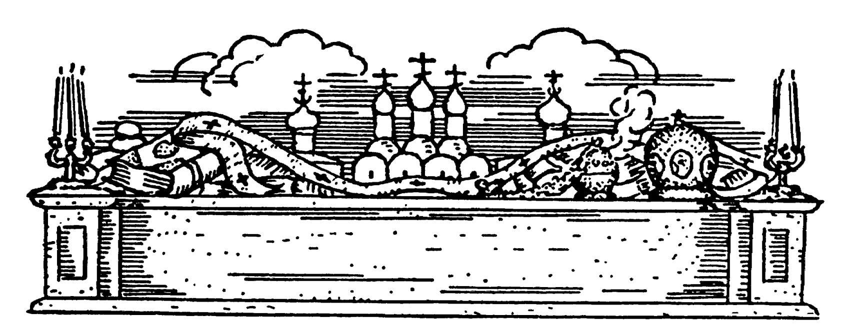

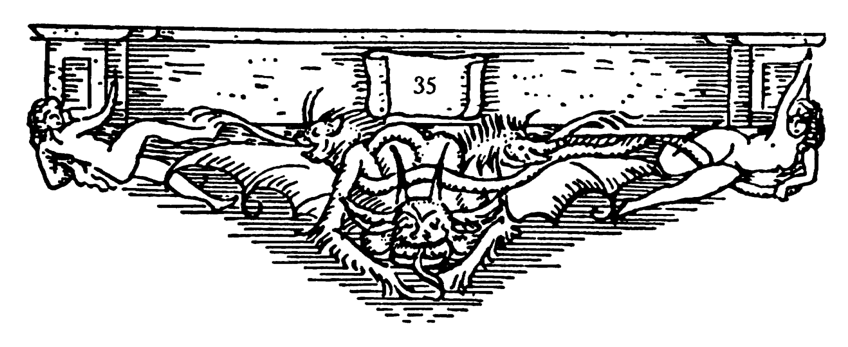
вдали, за озеромъ, горѣли травы и лѣса. И какъ бы вмѣстѣ съ травами изгоралъ, не сгорая, Еразмъ, и на гладкомъ кипарисовомъ древѣ возникали образы страстного житія преподобной. Двери въ храмину, и у дверей тѣхъ — длинная череда юношей и мужей александрійскихъ, съ почернѣвшими отъ жажды лобзаній устами, — какъ бы череда воиновъ уже подъявшихъ тяжкое, закаленное огнемъ оружіе свое и ждущихъ ринуться на врага, чтобы на смерть пронозить его тѣмъ оружіемъ. И ниже, въ золотомъ обрамленіи — самая храмина, бѣдная и бѣлая — ибо въ бѣдности жила преподобная и не взимала мзды за красоты тѣла своего. Въ храминѣ

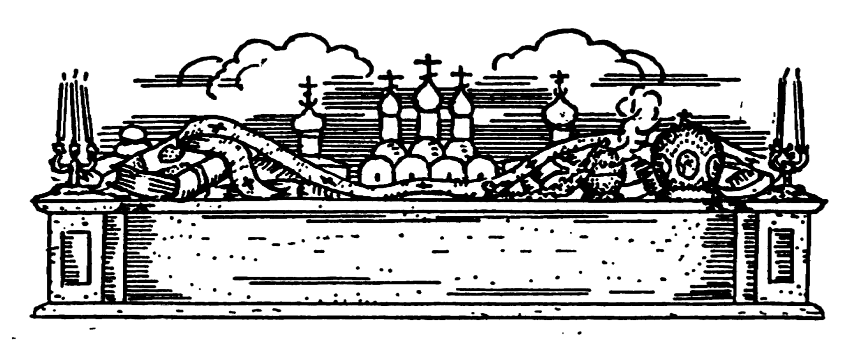

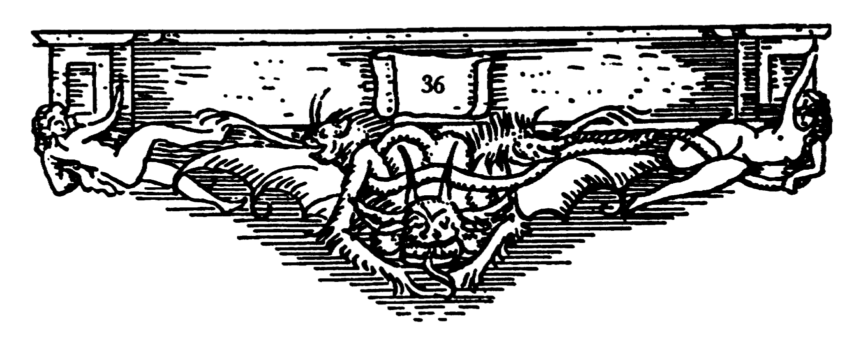
— убогое и роскошное ложе изъ травъ, а на зеленомъ ясписѣ травъ — золотой плодъ: нагота преподобной, и жалятъ взоръ четыре расцвѣтшихъ алыми чашами цвѣтка. Но тайну устъ и персей, по сказанному, уже зналъ Еразмъ; четвертой же, послѣдней, тайны не вѣдалъ еще юный инокъ, и не изъ двухъ, но изъ трехъ алыхъ лепестковъ сложилъ онъ эту послѣднюю тайну, отчего для взиравшаго была она еще губительнѣй и необоримѣй. И въ новомъ обрамленіи изъ краснаго золота цвѣли тѣ цвѣты на обуянномъ бурями кораблѣ, и корабельщики, забывъ о волнахъ морскихъ, вздымались и падали на иныхъ, огненныхъ волнахъ. И далѣе въ

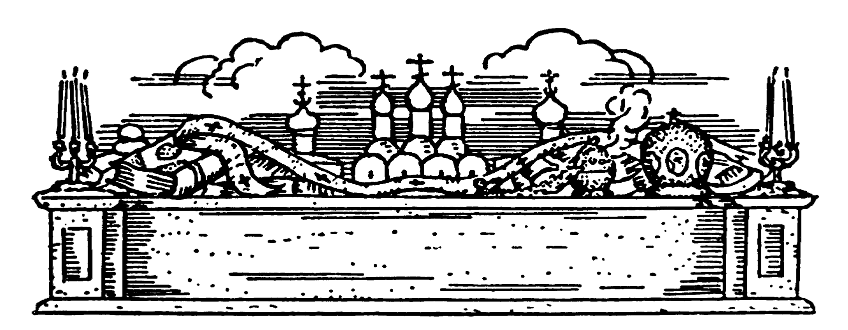

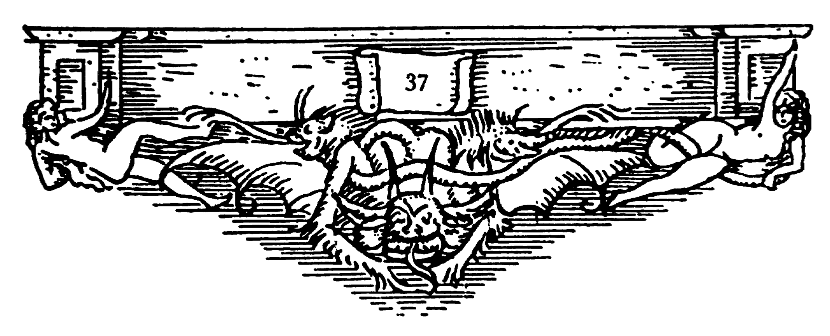
опаленной, соломенно-желтой пустынѣ, преподобный Зосима встрѣчалъ Марію, и въ страхѣ совлекши съ себя одежду бросалъ ей, дабы не погибнуть, увидѣвъ прелесть наготы ея, но вѣтромъ пустыннымъ уносило одежду, и стоялъ Зосима, прискорбно опустивъ глаза долу на разженіе свое. И такъ, до самаго блаженнаго преставленія преподобной Маріи, написалъ Еразмъ все ея страстное житіе. Былъ напитанный солнечной кровью закатный часъ, когда кончилъ онъ все. Въ тотъ часъ, какъ обычно, хлѣбенный старецъ Сампсонъ принесъ Еразму вечернюю трапезу. И восторгнутый отъ всѣхъ мыслей и опасеній ежедневныхъ, вскричалъ Еразмъ

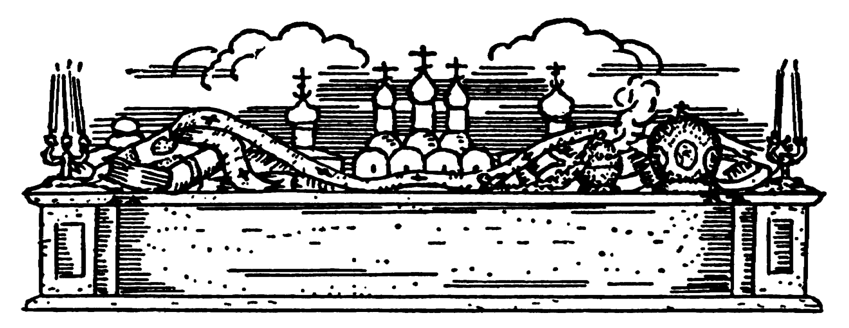

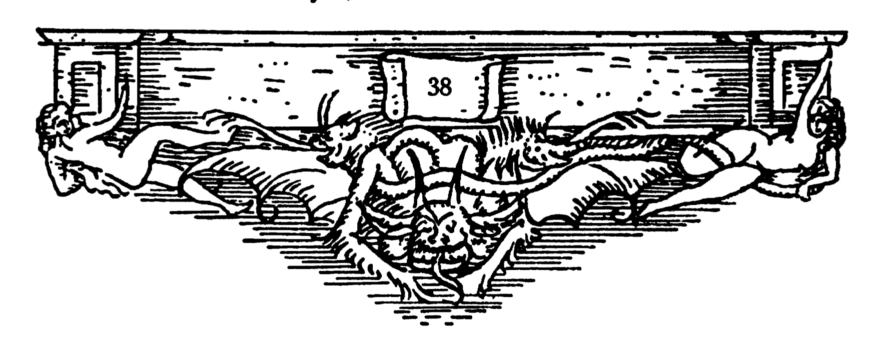
къ старцу, сказавъ: — Великъ часъ скончанія пути. Войди, братъ Сампсонъ, и скажи мнѣ, какъ видишь. — Опасно мнѣ, братъ, — отвѣчалъ Сампсонъ сквозь дверное отверстіе. Войди, говорю тебѣ. — Съ нетерпѣніемъ и гнѣвомъ сказалъ Еразмъ. И чтобы не вводить въ гнѣвъ брата своего, вошелъ Сампсонъ. И увидѣвъ, покачнулся на ногахъ, какъ если бы обременены были ноги его нѣкой внезапной тяжестью, и взревѣвъ яростно, палъ ницъ и свердилъ холодный земляной полъ келіи. Въ страхѣ взялъ Еразмъ сосудъ съ принесенной ему старцемъ водой и вылилъ ту воду на неистоваго Сампсона. Тогда всталъ Сампсонъ, разодралъ на себѣ одежду и, дважды нагой,

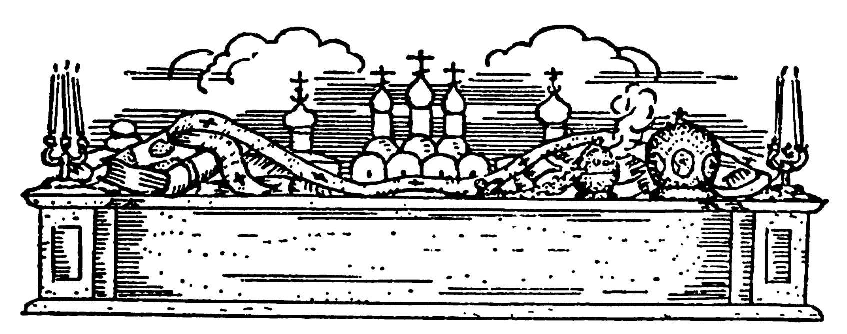

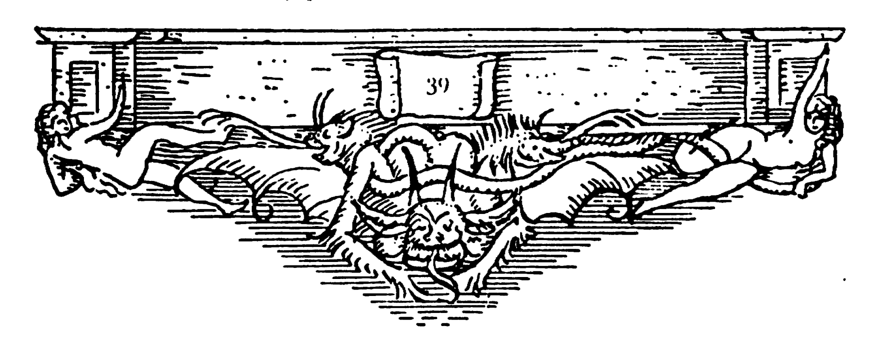
воскликнулъ: — Горе мнѣ, окаянному! Вотще сила моя исходитъ! И пробивъ келійную дверь, вышелъ вонъ. И настала ночь, страшная происшествіями и знаменіями. Среди дымной тьмы, освѣщая себѣ путь восковыми свѣчами, бѣгали иноки, напинаясь на могильные кресты. Въ дальнемъ углу, за хлѣбнымъ подваломъ, открывалось и вновь закрывалось огненное окно: тамъ ковали хлѣбенного старца Сампсона въ цѣпи, дабы не повредилъ онъ деревьевъ, и утвари, и строеній обительскихъ, ибо могъ онъ силою своею прободать все. А нѣсколько выше кровель, тамъ, гдѣ нѣкогда повисла показанная Памвою туча, всю ночь слышался легкій, какъ бы отъ

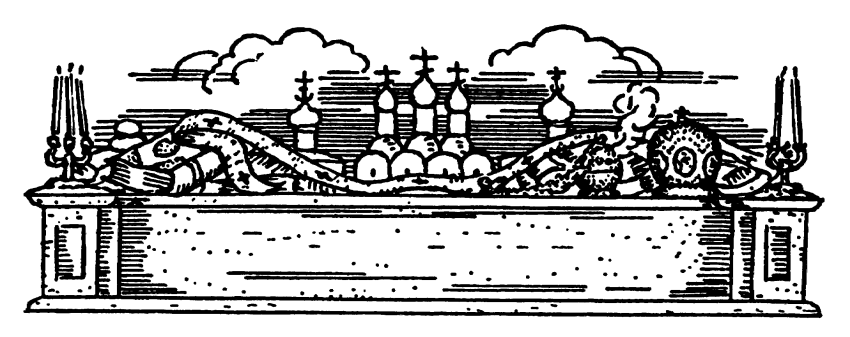

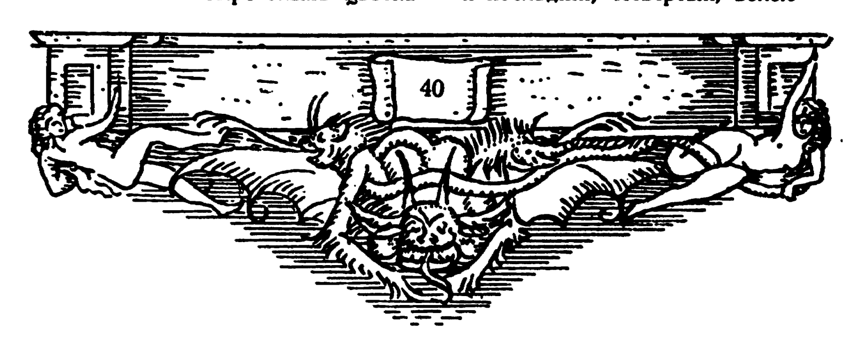
щекотанія, смѣхъ, и скрипъ нѣкій, и капала внизъ ужасная, подобная бѣлой росѣ, смола. Встало солнце, багровое сквозь дымъ, и увидѣли: въ ночь нѣкимъ чудеснымъ изволеніемъ расцвѣли всѣ деревья и травы, широко отверзая алыя, и розовыя, какъ тѣло, и бѣлыя, какъ жемчугъ, чаши, и источая прелестныя благоуханія. И повсюду — на деревьяхъ, и въ чашахъ цвѣтовъ, и на крестахъ могильныхъ, и на рѣшеткахъ оконъ, и въ сосудахъ для питья, и на плечахъ иноковъ — повсюду видны были акриды, съ крыльями, какъ бы изъ небесной радуги, и трепетали крыльями, соединившись попарно. Не слыша обычнаго заутренняго била, но вмѣсто того смятеніе и

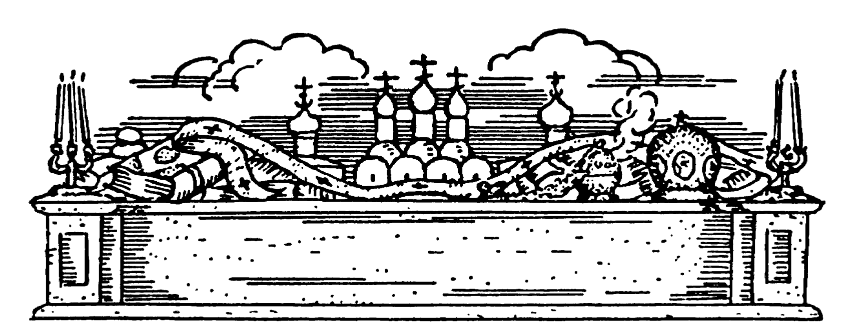

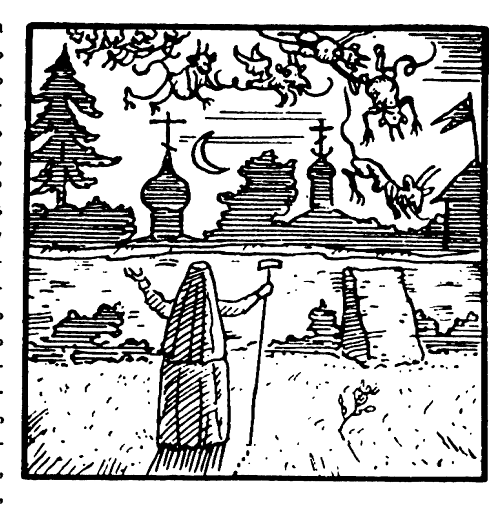

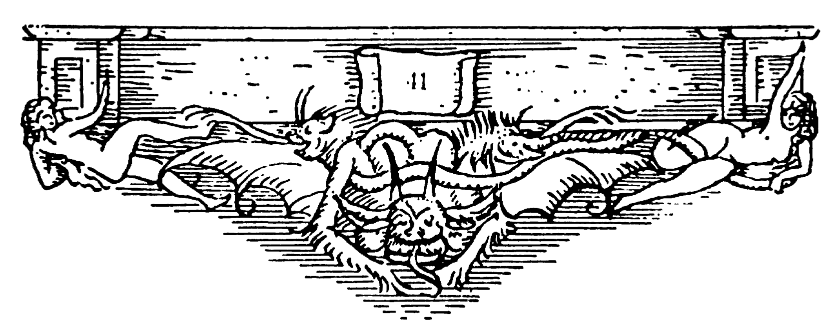
вопль, вышелъ Еразмъ къ братіи и сказалъ: — Что мятетесь, братія? Не бойтесь, но возьмите изъ келіи моей образъ чудесно явившейся мнѣ преподобной, и она, вѣрую, исцѣлитъ васъ. И сказавъ такъ, вновь затворился Еразмъ въ своей келіи, помня послушаніе, положенное на него старцемъ Памвою. Братія же, по слову Еразма, взяла написанный имъ образъ Маріи Египетской въ житіи, и, водрузивъ образъ предъ вратами обители, построила надъ нимъ сѣнь изъ цвѣтовъ. Но лишь начали молебное пѣніе и съ надеждой вознесли взоры на образъ, какъ явственно увидѣли пламенѣющіе на распростомъ золотомъ тѣлѣ четыре алыхъ цвѣтка — и послѣдній, четвертый, волею

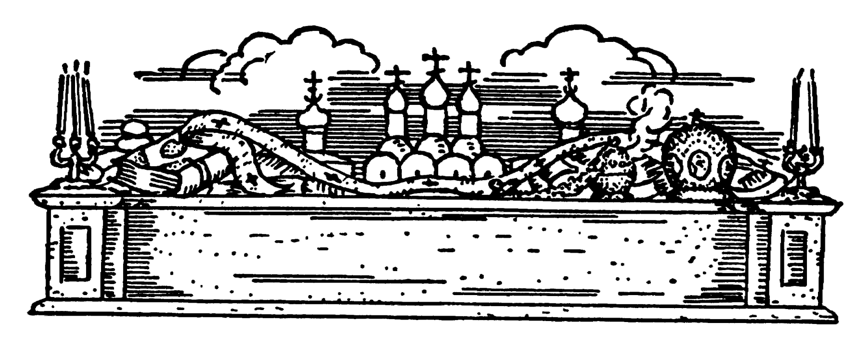

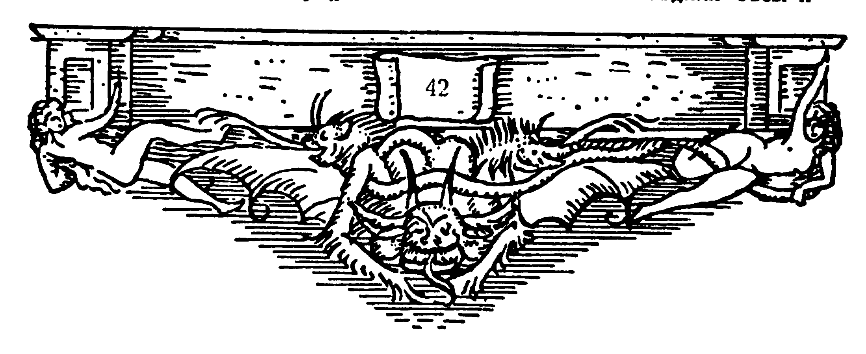
и невѣдѣніемъ Еразма сложенный не изъ двухъ, но изъ трехъ лепестковъ. И внезапно обуялъ всѣхъ огнь страстный, и были всѣ, юные иноки и равно древніе старцы, какъ тѣ мужи александрійскіе у дверей храмины, готовые пронзить подъятымъ оружіемъ своимъ излюбленнаго врага. Въ тотъ же часъ оставленный безъ стражи Сампсонъ порвалъ крѣпкія цѣпи и, прободавъ все на пути, явился предъ братіей, дерзновенно, на гласъ четвертый, исповѣдуя жажду смѣшенія. Вратарь же, услышавъ какъ бы молитвенное пѣснопѣніе, открылъ врата многимъ, чаявшимъ войти въ обитель, женамъ, и дѣвамъ, и мужамъ мірскимъ. И всѣ вошли, и на травахъ, на чистѣйшихъ

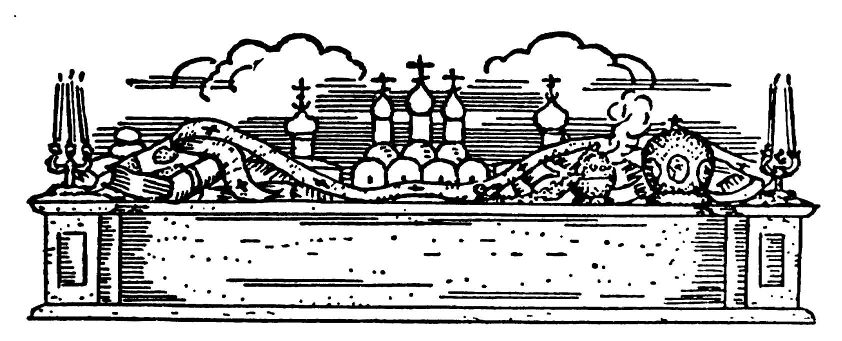

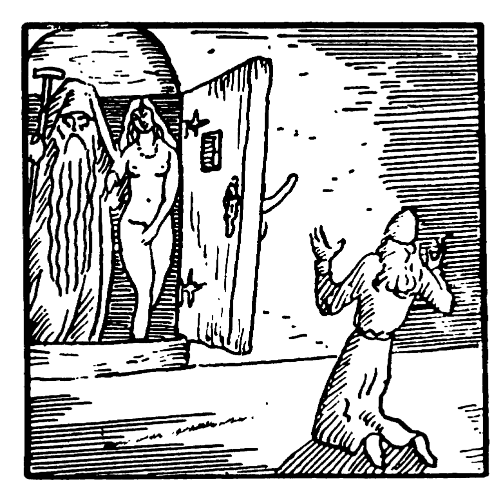

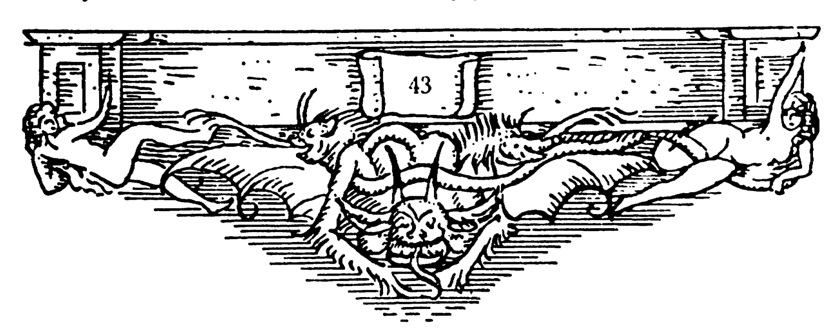
доселѣ плитахъ во дворѣ обители, на ступеняхъ келіи, подъ сѣнью расцвѣтшихъ за ночь кустовъ — всюду началось неслыханное. И какъ ночью, вновь слышенъ былъ на высотѣ кровель смѣхъ, какъ бы отъ щекотанія, и скрипъ, и орошались травы ужасной росой. Но лишь одинъ, возвратившійся отъ князя той страны, старецъ Памва видѣлъ надъ обителью тучи веселящихся и плещущихъ крыльями бѣсовъ. И болѣе того: никто изъ одолѣнныхъ бѣсами иноковъ не видѣлъ гнѣвнаго лица старца, ни взмахнувшаго, какъ бичь, воскрылія бровей его, и никто не слышалъ его громкихъ, устыжающихъ словъ. Тогда уразумѣлъ старецъ, что на малый часъ побѣдили бѣсы и

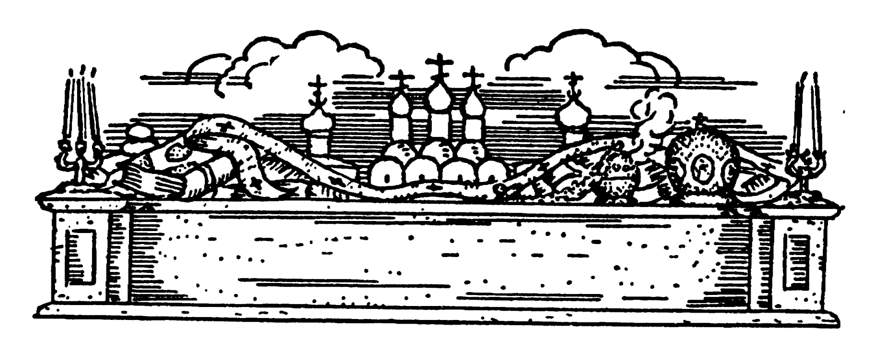

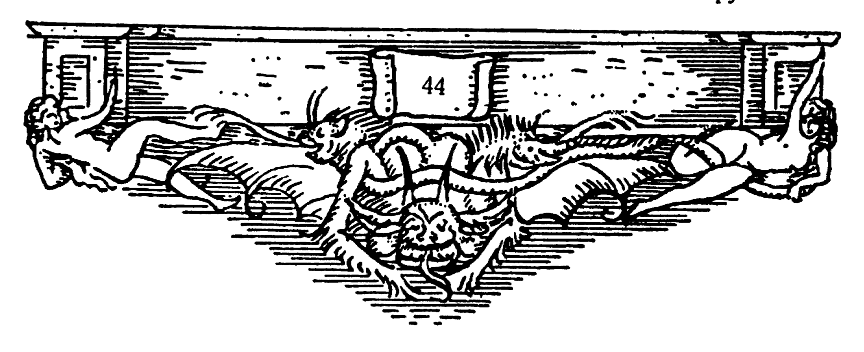
что пока не истребитъ онъ бѣсовскаго огня, въ творящемъ, того не вѣдая, соблазны юномъ Еразмѣ — до того часа въ обители будутъ властвовать бѣсы. И вошелъ старецъ въ свою келію, и изъ своей келіи — въ келію Еразма. И увидѣлъ Еразма — единаго въ обители безъ жены возлежавшаго на ложѣ своемъ. Но ланиты его были палимы невидимымъ огнемъ и изсохшими устами пилъ онъ отъ невѣдомой ему четвертой тайны. Затворивъ двери и окна, дабы не смущать сердце свое шопотомъ и шорохами неистовства, долго молился блаженный Памва. По молитвѣ же сошло на него разумѣніе, и услышалъ онъ голосъ, какъ бы внутри себя, говорившій: „Спусти

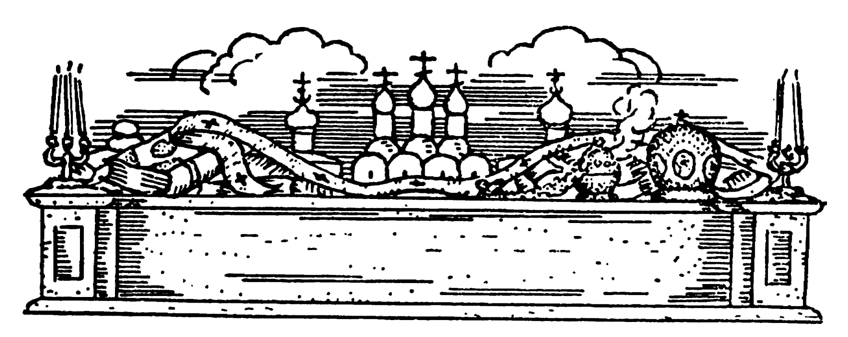

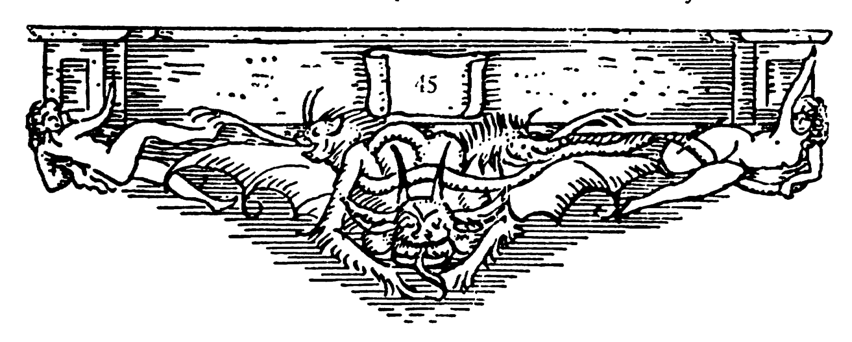
стрѣлу, и ослабнетъ тетива, и уже не будетъ болѣе смертоносенъ лукъ". И сказалъ себѣ: „Истинно такъ". И вновь молился, и предстала предъ нимъ являвшаяся Еразму дѣва, именовавшая себя Маріей. — Взялъ старецъ за руку ту дѣву и ввелъ ее въ келію Еразма, и сказалъ ему такъ: — Встань, Еразмъ. По милости своей, вновь является тебѣ преподобная дѣва. Возьми же ее и увѣдай четвертую, послѣднюю, тайну. Ибо вижу я нынѣ: изображающему твореніе — надлежитъ вѣдать всѣ тайны Творца. И увидѣлъ, какъ совлекъ Еразмъ съ нѣжнаго тѣла одежду, и вновь коснувшись трехъ первыхъ тайнъ, со стенаніемъ погрузился въ послѣднюю. И погрузилось

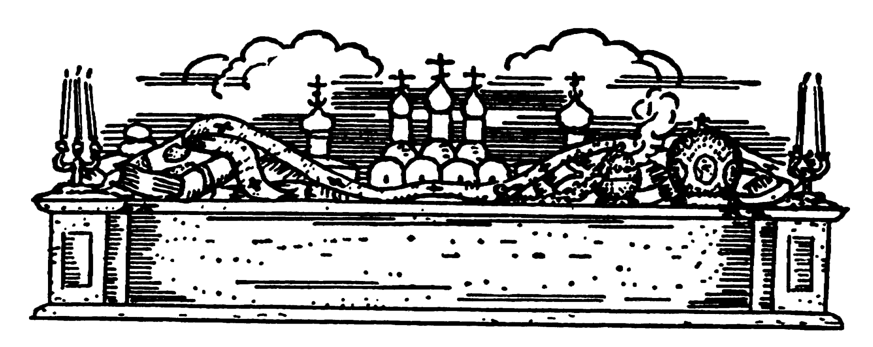

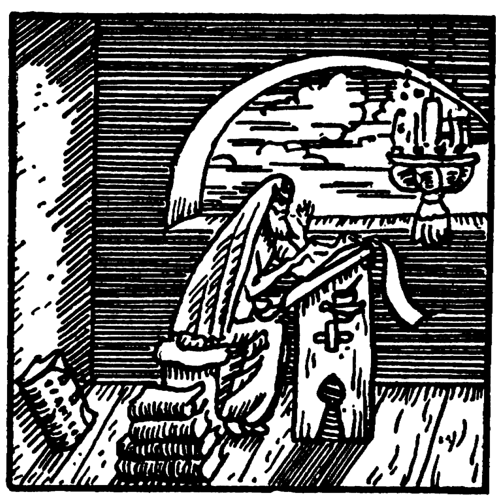

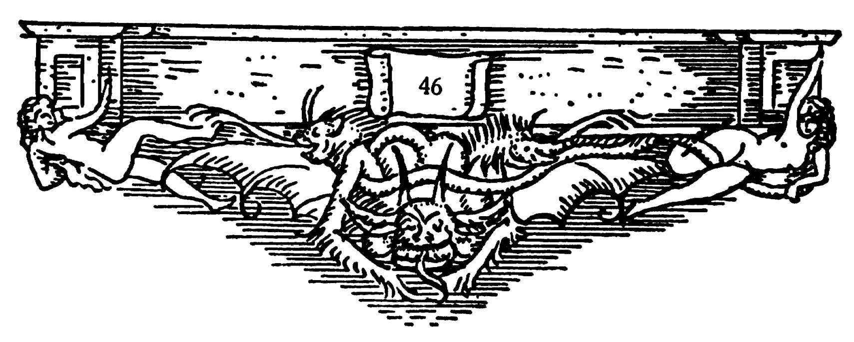
солнце въ воды озера за обителью, и на невинно — бѣлой одеждѣ стѣны проступило красное, какъ кровь, пятно. И въ то-же мгновеніе опали цвѣты съ деревьевъ и травъ, истлѣли радужныя крылья акридъ, истаяли бѣсы, какъ воскъ, и устыженная, во тьмѣ разошлась братія по келіямъ. Блаженный же Памва вышелъ во дворъ обительскій и, благословивъ, отпустилъ изнеможенныхъ женъ и дѣвъ, сказавъ имъ: — Идите съ миромъ, ибо ничто въ мірѣ не творится безъ изволенія Творца, даже и грѣхъ, и все ко благу. Съ того дня отпали отъ Еразма невидимые бѣсовскія цвѣты и исцѣлѣлъ онъ отъ бывшаго въ немъ одержанія. Безбоязненно отпустилъ его

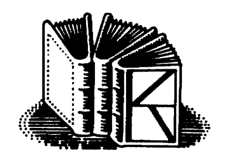

старецъ Памва жить съ братіей, и когда читалъ Еразмъ во храмѣ — не было уже соблазна отъ чтенія его, и когда писалъ онъ лики святыхъ — то писалъ, какъ всѣ, во славу Божію, а не діавольскую. И подвигами иноковъ прославилась обитель во всей странѣ той. Память же о темныхъ соблазнахъ бѣсовскихъ, о страшныхъ знаменіяхъ и необычайныхъ происшествіяхъ молитвою блаженнаго Памвы была истреблена, какъ весенній снѣгъ солнцемъ. И лишь я, недостойный схимникъ Иннокентій, съ благословенія мудраго старца записалъ все къ назиданію и руководству игуменовъ нашей обители. Простымъ же инокамъ не дозволено чтеніе сей записи.

PRESSE:
Dr. SELLE & Co. A.G.
BERLIN

КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ
Библиотека репринтных изданий

Издательство "Книга"
Москва 1989

Евгений Иванович Замятин

О том как исцелен был отрок Еразм

Репринтное воспроизведение
издания 1922 года

Ответственные за выпуск
Э.Б.Кузьмина, Н.Е.Тугай

ИБ 1907. Подписано в печать 09.03.89. Формат 60x84/16. Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,79. Усл. кр.-отт. 5,93. Уч.-изд. л. 1,99. Тираж 50 000 экз. Изд. № 4821. Заказ № 5282.
Цена 1 руб.

Издательство "Книга"
125047, Москва, ул. Горького, 50.

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома
при Госкомиздате СССР.
129243, Москва, ул. Мало-Московская, 21.

З $\frac{4702010101-054}{002(01)-89}$ Без объявл. -

ISBN 5-212-00292-3